

Михаил Иванович Пыляев

**Стародавние старчики,
пустосвяты и
юродцы**

*Часть сборника
Замечательные чудачки и
оригиналы (сборник)*

Михаил Пыляев. Замечательные чудачки и оригиналы //Эксмо, Москва, 2008
ISBN: 978-5-699-26293-9
FB2: "M_Lenny", 2 июня 2011 года, version 1.0
UUID: 012f2beb-8d5a-11e0-9959-47117d41cf4b
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Иванович Пыляев

Стародавние старчики, пустосвяты и юродцы (Старое житье)

«В самом начале появления юродивых уже являлись люди, которые для своих корыстных целей пользовались легковерием народа. Иоанн Грозный во втором послании к собору жалуется, что «лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы бегают из села в село, нагие и босые, с распущенными волосами, трясутся и бьются, и кричат, св. Анастасия и св. Пятница велят им» и проч. ...»

Содержание

#1	0006
I Тимофей Архипыч	0010
II Ксения Григорьевна	0016
III Семен Митрич	0022
IV Михаил Дурасов, Евсей, Соломония и Неонилла	0028
V Аннушка	0031
VI Иван Яковлевич	0035
VII Цыган Гаврюша	0056
VIII Андрей-старчик	0059
IX Кирюша-старчик	0062
X Второй Кирюша	0066
XI Матушка-кувырок. – Никола-дурачок. – Феодосий-веригоносец, да Петр-прыгунок	0070
XII Иван Степаныч и Ксенофонт, отрок его. – Данило-пустосвят и Феодор	0074
XIII Мандрыга-угадчик. – Дуня Тамбовская. – Агаша. – Марфа-затворница и Маша-пещерница	0083
XIV Марья Ив. Скачкова. – Татьяна босая	0090
XV Голубица	0096
XVI Батюшка Шамшин и мещанин Кочуев	0101
XVII «Дядя домой»	0108
XVIII Андреюшка	0113
XIX Фекла болящая. – Вера Матвеевна. – Старец	

Глеб. – Антон Воздержит. – Устинья-пророчица . . .	0120
XX Тамбовский Симеон. – Солдат Ванюшка. – Блаженный Егорушка. – Пьяница Машка. – Иванушка-дурачок и Иванушка Рождественский	0127
XXI Кузька-бог	0138
XXII Воронежский Никанор. – Антонушка. – Отец Серафим. – Полицейский колдун	0158
XXIII Блаженный Антонушка	0171
XXIV Старец Алексей. – Томский Осинька. – Ссылная Домна. – Лже-Разумовский. – Лже-Александр. – Данилушка на кровле	0181
XXV Авраамий. – Диомид юродивый. – Старец Вася	0187

М. И. Пыляев
Стародавние старчики,
пустосвяты и юродцы

Тимофей Архипыч. – Ксения Григорьевна. – Семен Митрич. – Михаил Дурасов, Евгений, Соломония и Неонила. – Аннушка. – Иван Яковлевич. – Цыган Гаврюша. – Андрей-старчик. – Кирюша-старчик. – Второй Кирюша. – Матушка-кувырок. – Никола-дурачок. – Феодосий-веригоносец да Петр-прыгунок. – Иван Степаныч и Ксенофонт, отрок его. – Данило-пустосвят и Феодор. – Мандрыга-угадчик. – Дуня Тамбовская. – Агаша. – Марфа-затворница и Маша-пещерница. – Марья Ив. Скачкова. – Татьяна босая. – Голубица. – Батюшка Шамшин и мещанин Кочуев. – «Дядя домой». – Андреюшка. – Фекла болящая. – Вера Матвеевна. – Старец Глеб. – Антон Воздержник. – Устинья-пророчица. – Тамбовский Симеон. – Солдат Ванюшка. – Блаженный Егорушка. – Пьяница Машка. – Иванушка-дурачок и Иванушка Рождественский. – Кузька-бог. – Воронежский Никанор. – Антонушка. – Отец Серафим. – Полицейский колдун. – Блаженный Антонушка. – Старец Алексей. – Томский Осинька. – Ссылная Домна. – Лже-Разумовский. – Лже-Александр. – Данилушка на кровле. – Авраамий. – Диомид юродивый. – Старец Вася

В самом начале появления юродивых уже являлись люди, которые для своих корыстных целей пользовались легковерием народа. Иоанн Грозный во втором послании к собору жалуется, что «лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы бегают из села в село, нагие и босые, с распущенными волосами, трясутся и бьются, и кричат, св. Анастасия и св. Пятница велят им» и проч.

В следующем затем столетии злоупотреб-

ления в этом отношении достигли крайних пределов, так что патриарх принужден был запретить пускать в церкви юродивых и нищих. «Понеже, – сказано было в окружной грамоте 1646 года, – от их крику и писку православным христианам божественного пения не слышать; да тее в церкви Божия приходят аки разбойники с палки, а под теми палки у них бывает копейца железные, и бывают у них меж себя брани до крови и лая смрадная».[1] В начале XVIII века в обеих столицах развелось особенно много юродивых и других странных и полупомешанных людей, которые являлись в церкви в «кощунных одеждах», кричали, пели и делали разные бесчинства во время богослужения – единственно из корыстного желания обратить на себя внимание богомольцев.

Такие беспорядки в церквях вызвали со стороны Святейшего Синода следующее постановление от 14 июля 1732 года: «Юродивых по церквам в столицах бродить не допускать, в кощунных же одеяниях и в церквах не впускать, а в приличном одеянии они могут входить, но стояли бы с должною тихо-

стию не между народом, но в удобном уединенном месте. А буде они станут чинить каковые своеволия, и их к тому не попускать и показывать за то им, яко юродивым, от священноцерковнослужителей угрозыительные способы. А ежели они от того страху никакого иметь не будут, то их во время всякого церковного пения из тех церквей высылать вон. Каковые же ныне юродивые при здешних церквах суть, тех сыскать в духовное правление и какими возможно способы испытывать, наипаче о том, не притворствуют ли они, и потом следовать как надлежит: чей он крестьянин, как и отколь сюда пришел и где пристанище имеет, и отколь пищу и одежду получает, и собираемые от подателей деньги куда они отдают».

Из этого указа видно, что Синод преследовал не юродство, а только соблазнительные недостатки юродивых; тем более, что в то время некоторые из юродивых жили даже при дворе, и им поручались многие благочестивые дела, как, например, раздача милостыни и проч. Императрица Анна, пугливая и подозрительная, с особенным вниманием

следила за появляющимися в разных вотчинах, как она выражалась, «якобы святыми», т. е. теми типическими проходимцами через всю историю России, так называемыми «юродивыми», нередко вещавшими в иносказательной форме о разных тягостях и печалях народных, о злоупотреблениях власти и т. д. При дворе матери императрицы Анны Иоанновны, набожной царицы Прасковьи Федоровны, находилось множество разного рода калек и юродов. Историк Татищев, посещавший царицу, рассказывает, что у нее был целый госпиталь уродов, юродов, ханжей и шунов. Из числа их особенным почетом пользовался некто Тимофей Архипыч; у него целовали руки, просили благословения, ждали пророческих сказаний, и каждому его простому слову придавали загадочное и таинственное значение.

I Тимофей Архипыч

К. Тромонин[2] говорит о нем следующее: «1731 года, мая в 29-й день, при державе благочестивейшей великой государыни нашей императрицы Анны Иоанновны всея России, преставился раб Божий Тимофей Архипов сын, который, оставя иконописное художество, юродствовал миру, а не себе; а жил при дворе матери ее императорского величества государыни императрицы благочестивейшей государыни царицы и великой княгини Параскевии Федоровны двадцать восемь лет и погребен в 30-й день мая в Чудовом монастыре, в стене Церкви Михаила Архангела, наружу с южной стороны».

К этому Тромонин добавляет, что «над гробницею его (т. е. Архипыча) находится картина, где Тимофей изображен лежащим в гробе; возле него стоит, как изустно по преданию, императрица Анна Иоанновна».

Болтин[3] говорит про Тимофея Архипыча, что он умел ловко подмечать рельефные чер-

ты окружающего его общества и весьма метко определить противоречивые свойства характера Анны Иоанновны. За ее склонность к благочестию и монашеству он называл ее Анфисой и предрекал ей монастырь, а ее строптивость и самодурство выражал в следующем присловье, которое произносил постоянно при виде Анны Иоанновны: «Дон, дон, дон! – царь Иван Васильевич!»

Татищев рассказывает, что Тимофей Архипыч его недолюбливал за то, что он не был суеверен и руки его не целовал. «Однажды, – пишет Татищев, – перед отъездом в Сибирь, я приехал проститься с царицей; она, жалую меня, спросила одного шалуна: скоро ли я возвращусь? Он отвечал на это: „Руды много накопает, да и самого закопают“».

Пророчество это однако не сбылось.

Друг царицы Прасковьи, Настасья Александровна Нарышкина, питала к Тимофею Архипычу чувство глубокого уважения и доверия, чтילה его память и после его смерти. Ее правнучка, Елис. Алек. Нарышкина, сообщает о Тимофее Архипыче следующее:[4] «По занятиям этот блаженный был живописец и с

юных лет расписывал храмы; последней его работой были в Чудовом монастыре, где он, между прочим, по преданию, поместил портреты царицы и ее друга Нарышкиной; все полученные там им деньги за работы, как и все свое остальное имущество, он раздал бедным, и последние годы своей жизни употребил на странствования по Святым местам».

Далее та же именитая дама приводит следующий религиозно-мистический и суеверно-поэтический рассказ, который мы передаем в сокращении:

«В последние годы жизни Н.А. Нарышкина, по обыкновению своему, пребывала в своей моленной. Однажды, более чем когда-либо озабоченная будущностью своего потомства ввиду возмущавших ее душу преобразований и реформ, введенных в Россию Петром I, она пала на колени и в пылу религиозного увлечения возносила к небесам молитву о том, чтобы род ее неизменно оставался верен истинному православию и не прекращался никогда. Внезапно ее озаряет видение: она видит перед собою, на воздушных, коленопреклоненным Тимофея Архипыча, держащего в ру-

ке свою длинную седую бороду. Обращаясь к ней, он произнес: „Настасья, ты молила Бога, чтобы род твой не пресекался и пребывал в православии; Господь определил иначе, и молитва твоя услышана быть не может. Но я замолил Всевышнего, и доколе в семье твоей будет сохраняться в целости моя борода, желание твое будет исполнено, и род твой не прекратится на земле“». Устрашенная и взволнованная этим видением и словами, Нарышкина упала и лишилась чувств. Когда ее подняли, и она пришла в себя, то в руках ее оказалась длинная седая борода, «та самая, которую я, – прибавляет ее правнучка, – видела у свекра моего, Ив. Алек. Нарышкина, родного внука Наст. Алек. Нарышкиной». Борода эта сохранялась в особенном ящике, на дне которого лежала шелковая подушка с вышитым на ней крестом, и на этой подушке покоилась эта реликвия, или семейный талисман.

«Мне особенно памятна эта борода, – продолжает Е.А. Нарышкина, – потому что вскоре после моего замужества свекровь моя настояла, чтобы я временно перевезла ее к себе в дом в надежде, что ее присутствие в нашем

доме принесет с собою благословение Божие и что у нас с мужем будут дети. Не могу теперь достоверно определить, в какую именно эпоху борода исчезла и, несмотря на самые тщательные розыски, не могла быть отыскана. Когда хватились бороды и не нашли ее, то, после многих тщетных поисков, мы остановились на том убеждении, что мой свекор, переезжая в новый дом, вздумал поместить в этом ящике свою коллекцию белых мышей, которых он очень любил и для которых счел это помещение весьма удобным хранилищем при переезде. Затем остается предположить, что мыши привели эту бороду в такое состояние, что сам Нарышкин, боясь упреков жены, выкинул ее по приезде в новый дом, или прислуга, приводя в порядок шкатулку, забросила или потеряла эту бороду; при этом достойно замечания, что в год исчезновения бороды получены были известия от старшего брата мужа, проживавшего с семьей за границей, что у единственного сына его Александра появились первые признаки того тяжкого недуга, который свел его в могилу; т. к. он наследников после себя не оставил, эта ветвь На-

рышкиных, после кончины моего мужа, действительно пресеклась».

II Ксения Григорьевна

Во время императрицы Елисаветы Петровны известна была юродивая Ксения Григорьевна,[5] жена придворного певчего Андрея Федорова Петрова, «состоявшего в чине полковника». Ксения в молодых годах осталась вдовою (26 лет); раздав все свое состояние бедным, она надела на себя одежду своего мужа и под его именем странствовала сорок пять лет, не имея нигде постоянного жилища. Главным местопребыванием ее служила Петербургская сторона, приход св. апостола Матфея, где одна улица называлась ее именем: «Андрей Петров». По преданию, Ксения пользовалась большим уважением у петербургских извозчиков, которые, завидя ее где-нибудь на улице, наперерыв один перед другим предлагали ей свои услуги, в том убеждении, что кому из них удастся хотя несколько провезти Ксению, тому непременно повезет счастье. Год смерти Ксении неизвестен; некоторые уверяют, что она погребена на Смолен-

ском кладбище еще до первого наводнения, случившегося в 1777 году; при жизни предсказала жителям Петербургской стороны смерть императрицы Елисаветы Петровны 25 декабря 1761 года. Ксения ходила по Петербургской стороне и говорила жителям: «Пеки-те блины, вся Россия будет печь блины». На другой день императрица внезапно скончалась. По другим рассказам Ксения скончалась в царствование Павла Петровича, но это неверно: в списках кладбищенских за это время имя ее не встречается.

По преданию, в скором времени после ее погребения посетители разобрали всю могильную насыпь. Сделана была другая, и усердствующими лицами на могиле положена плита. Но плита скоро была разломана и разнесена по домам. Другая плита также недолго оставалась целою. Ломая камень и разбирая землю, посетители бросали на могилу Ксении посильные денежные пожертвования, а кладбищенские нищие этим пользовались и забирали деньги себе. Тогда к могиле прикрепили кружку и на собранные таким образом пожертвования над могилою Ксении

поставили памятник в виде часовни, которая существует и теперь. Здесь же находится кружка, куда жертвователи опускают свои приношения. Половина собираемой таким образом суммы поступает в пользу попечительства, а другая остается в церкви на неугасимую лампаду на гробе Ксении. Всей суммы в течение года высыпается из этой кружки около 300 руб. серебром. Могила Ксении посещается ежедневно на Смоленском кладбище массою посетителей, и ни на одной из могил не служитя столько панихид. Надпись на могиле Ксении следующая: «Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения своей души».

В распоряжении нашем находится крайне интересный архивный документ, касающийся пророчества этой юродивой. Это собственно прошение о бедности к императору Павлу I, поданное надворным советником Думашевым, 15 июня 1797 года. Вот извлечение из него, касающееся нашего повествования: «Прими, монарх славы, о чем доношу, есть либо со мною все то не совершилось поднесь и с особою вашею умолк бы навсегда, но теперь на совести лежит, чтоб вам не донести. В

1766 году, генваря 10 дня, был день моего рождения; накануне моих именин, прожив я с моею женою девять месяцев в Петербурге, не получил никакой милости кроме крайнего прожитку, и надобно нам было отъезжать в Москву. Мы жили тогда в доме вместе с покойною несчастною фрейлиною Анною Алексеевною Хитрово, именным повелением нам приказано жить с нею и ехать вместе в Москву; жена моя ей была внучатая сестра, по одному родству она нам была и приурочена.

Вдруг в оное число вышла к нам Богу угодная юродивая женщина, называемая Андрей Федорыч, весь город ее знал и почитал таковою. Мы все весьма обрадовались ее приходу и испугались, за счастье считали – к кому она войдет в дом. Между многими от нас вопросами она мало говорила, и надобно вслушиваться, что скажет; о прошедшем случае матери моей и несчастьи с нею сказала догадками; что я завтра именинник и что мы этот день будем плакать и молиться и все люди наши: я спрашивал: «Да за что и отчего?» – она сказала: «Ну да царь заставит вас плакать от радости, и после еще много слез будет у

вас»; я говорю: «Какой царь, скажи мне» – «Ну да как запоют Христос Воскресе, увидишь», [6] – показала руками на свою голову, и окружила и пальцами сделала крест; мы, государь, изумились. Говорит: «Он очень будет счастлив»; жене моей говорит: «Ты у меня так дородна, как его жена». – «Какая жена и чья?» – спрашивали. «Ну, вон его жена!» – указала на ваш портрет; она вместе, опять показала пальцами крест, Даже мы, монарх, трое друг с другом не смели говорить, – совершилось подлинно в нынешнем году в свои самые именины генваря 11 дня, получил известие от Дмитрия Прокофьевича Трощинского [7] о ваших ко мне милостях пожалованием денег на оплату долгов; рыданий и молений много было сие число, а паче меня удивило, взяла за мою ногу, шпоры украли, и плакала, то донесу об оном, когда государь в несчастьи матери моей накануне вашего отъезда из Петербурга...

Государь! Ваш родитель, мой отец и боже-ство мое, изволил матери моей сто, а мне пятьдесят червонных прислать на дорогу и мне шпоры с своих ножек, с тем, чтоб это бы-

ло негласно; оные шпоры во весь Прусский поход неоцененным даром при мне хранились, и когда я бывал за майора, всегда на мне, но, по возвращении из Пруссии в Россию, на Валдаях, меня в ночи всего обокрали, остался в чем был, много плакал об оных шпорах, последняя сказала: «Я не дождусь праздника Петра и Павла, а вы доживете». Далее, государь, умолчу описать подробно, что она говорила о царе; дай, Боже! чтоб оное осталось в России по ее предсказанию, и она сказала покойному Николаю Ивановичу Рославлеву, он тогда был в гвардии майором, и был послан к оной Андрею Федорычу; после он нам пересказывал за секрет пред своею смертью, – все сбылось, что она ему сказала, в предшедшем 1796 году.

Государь, не приемли от вашего вам подданного за выдумку и слог, клянусь присягою вам, крестом и Евангелием и моею головою, а вашим мечом, что все сие поднесь истинная правда».

III

Семен Митрич

Самым замечательным на поприще юродства в Москве в начале нынешнего столетия, был Семен Митрич (родился в 1770 году, умер 31 декабря 1860 года). В молодости он занимался башмачною торговлею на Смоленском рынке, начало его юродства можно отнести к эпохе Новинского в Москве пожара, в 1804 году. У него сгорела лавка; потеря всего имущества сильно подействовала на него. «Пламя пожара осветило перед ним всю нищету и суетность земных забот и попечений», — говорит его анонимный биограф в «Домашней беседе» В.И. Аскоченского. По другим сказаниям, было в Москве одно купеческое семейство, состоявшее из отца и сыновей; жили они хорошо, но, по смерти отца, сыновья поссорились и разделились; при разделе один обманул другого, и вот начали жить они отдельно, проклиная друг друга. Один из братьев скоро умер, успев отдать свою дочь в Никитский монастырь, где она

жила до последнего времени, а другой весь прожился, стал юродствовать и наконец сделан Семеном Митричем. Он сперва приютился на паперти при церкви св. Троицы, где исправлял между прочим должности чтеца и певца. Во время нашествия французов он не выходил из Москвы и бродил по пустырям и обгорелым местам. В 1816 году он поселился на Арбате, в доме купца Дронова, а в 1821 году, при встрече на улице с московским обер-полицмейстером Шульгиным, взят был в сумасшедший дом. При испытании его не признали умалишенным и выпустили на свободу. Семен Митрич вырыл себе землянку во дворе дома купца Ильина, но вскоре пожелал опять на Арбат, к тому же Дронову. Наконец, в 1826 году он переселился на житье в приход св. Николая, что на Щепках, в доме купца Чамова; отсюда он выходил редко, а с 1836-го до 1852 года почти постоянно оставался в саду, летом и зимою.

Прежде он все зимой бегал на реку умыться, бегал босой, в одной рубашке, в какую бы то ни было погоду зной, стужа, 20 мороза для него не существовали. Ходил он с откры-

той головой, иногда напевал вслух; но ни у кого ничего не брал и не просил. Потом он засел дома и начал предсказывать. Чтобы попасть к нему, надо было, выйдя в ворота, пройти через грязный переулок на заднем дворе, спуститься в подземелье, и тут направо была кухня, где он жил.

Кухня – вроде подвала со сводом, прямо – русская печь, направо – окно и стена, уставленная образами с горящими лампадами; налево, в углу, лежал на кровати Семен Митрич; возле него стояла лохань; в подвале мрак, сырость, грязь, вонь.

Прежде Семен Митрич лежал на печи, потом лег на постель, с которой ни разу не вставал в продолжении нескольких лет. Представлял он из себя какую-то массу живой грязи, в которой даже трудно было различить, что это – человеческий ли образ или животное, лежа на постели, Семен Митрич совершал все свои отправления. Прислуживавшая ему женщина одевала и раздевала его, иногда по два и по три раза обтирала, мыла и меняла на нем белье.

«Если же не доглядишь, – рассказывала

она, – он и лежит... А то, – прибавляла, – и ручку, бывало, замарает: ты подойдешь к нему, а он тебя и перекрестит».

Такую жизнь Семена Митрича почитали за великий подвиг. Церкви он не знал, Богу тоже не молился; не любил, чтобы его спрашивали о чем-нибудь; прямых ответов он не давал, а о себе говорил в третьем лице. Понимать его надо было со сноровкою. Спроси, например его кто-нибудь о женихе или о пропаже, или, как одна барыня спросила, куда ее муж убежал, он или обольет помоями, или обдаст глаза какою-нибудь нечистью.

По рассказам современников, он будто бы обладал глубокою прозорливостью, но для уразумения его ответа опять нужна была сноровка, потому что он иногда говорил, что ему взбредет на ум: «Полено, таракан, доска, воняет, вошь», – и т. п. Почитательницы его над каждым его словом ломали голову, отыскивая в нем таинственное значение. Как гласит надпись над его гравированным портретом: «Он узнавал настоящее и прошедшее, даже предсказывал некоторые случаи, и они исполнялись; другие же от самых ударов его по-

лучали облегчение».

Богатая купчиха из Рогожской выдавала дочь замуж и приехала спросить у Семена Митрича, каков жених? Выдавать ли за него дочь и т. п. Вошла и села она, а он и говорит: «Доски». – «Что за доски? – спрашивает купчиха. – Какие у меня доски! У меня все сундуки, набитые шелком, да бархатом!».

– А мы отвечаем ей, – говорила его прислужница, – что не знаем, а сами думаем: «Как не знать, известно, что значит доски – гроб». Так ведь и сделалось: дочь-то купчихи умерла.

Сам Семен Митрич умер на девяностом году от рождения. Во время его агонии целая толпа купчих не отходила от него. В день похорон его стечение народа было страшное. Хоронили его штабс-капитан Заливкий да его супруга из купеческого рода. Где лежало тело, тут нельзя было пролезть. Двор постоянно был полон. Все имущество его растащили на память; один тащит подушку его, другой какую-нибудь его тряпицу, третий ложку, которою он ел, четвертый его опорки и т. д. Хоронили его на четвертый день после смерти, но

многие сердились, зачем так скоро его хоронят. Переулки, примыкавшие к дому, где он жил, были переполнены народом. В церкви, во время обедни, у гроба его стояла стена почитателей: все лезли, кто приложиться, кто только чтоб до него дотронуться. И вся эта масса народа по окончании отпевания подняла гроб и понесла на Ваганьково кладбище.

Впереди всей процессии скакал не известный никому юродивый, босиком, в черной рубашке. Скачет, скачет, скачет – остановится, три раза поклонится гробу и снова скачет... Потом несли образ, шли певчие, духовенство, затем народ, несший на головах гроб, и, наконец, экипажи. На кладбище ревнителями было устроено обильное угощение (разошлись поздно). И долго еще Москва известного круга ни о чем больше не говорила, как о Семене Митриче. Двое, по рассказам, в то же время стали писать его житие: студент и священник, но, к сожалению, жизнеописание Семена Митрича в печати не появилось.

IV

Михаил Дурасов, Евсевий, Соломония и Неонилла

В царствование императора Александра I в Москве, кроме Семена Митрича, пользовались известностью еще несколько юродивых. Так, в Симоновом монастыре проживал Мих. Зин. Дурасов, в мире носивший чин генерал-лейтенанта, жил он в монастыре тайно с высочайшего дозволения, и чин его был известен одному настоятелю монастыря. Он был ревностный ученик и последователь знаменитого Саровского подвижника Серафима и отличался самую строгою подвижничествою жизнью. Нередко он казался весьма странным, совершенным юродивым, но под этою странностью, по словам знавших его, он скрывал цель высокого своего любомудрия и уклонял от себя мир со всеми прелестями его. Дурасов скончался 20 июня 1828 года, 56 лет, погребен он в Симоновом монастыре.

В Страстном монастыре проживал в это же время монах Евсевий (скончавшийся в 1836

году) Это был тогда самый популярнейший юродивый в Москве Он отличался вполне безупречною жизнью и, по словам монахов, «был славен особливо по великому терпению разных поношений и биений не понимавших его сокровенной духовной жизни»

При отпевании и несении тела его из Страстного монастыря до Симонова, многие тысячи народа окружали и сопровождали гроб его. Над прахом его было сказано, что в лице его «было видимое торжество веры и нищеты духовной, которая славнее и величественнее всякого блеска богатых и сильных земли»; это надгробное слово говорил известный в то время проповедник архимандрит Мельхиседек.

В то время в Симоновом монастыре, у юго-восточной башни, было отведено особенное место для юродивых, на котором обитель и давала безвозмездное последнее пристанище всем странным и нищим духом, которых в народе зовут также блаженными. Еще до сих пор там целы могильные плиты двух знаменитых в свое время женщин-юродивых, девиц Соломонии и Неониллы. На памятнике

первой написано: «Под сим камнем погребено тело рабы Божьей девицы Соломонии, скончавшейся 1809 года, мая 9, на 55-м году от рождения». На памятнике второй: «Под сим камнем погребено тело рабы Божьей девицы Неониллы болящей, скончавшейся в ноябре 29-го 1824 года».

V

Аннушка

В Петербурге, в царствование императора Николая I, пользовалась большою популярностью юродивая старушка Аннушка или Анна Ивановна. По внешности это была небольшого роста женщина, лет шестидесяти, с весьма тонкими красивыми чертами лица, одетая всегда бедно, с ридикюлем в руках, всегда полным разных даяний. Особенностью этой юродивой была страсть к нюхательному табаку. Анна Ивановна происходила из знатной фамилии, говорили даже, что она была княжеского рода, воспитание она получила чуть ли не в Смольном институте, прекрасно говорила по-французски и по-немецки, в молодости влюбилась в гвардейского офицера, который женился на другой. Тогда она покинула Петербург и, спустя несколько лет, явилась в нем юродивой. Она, несмотря ни на какую погоду, ходила по городу, собирала милостыню и раздавала ее другим; большею частью она проживала на Сенной, у одного до-

мовладельца Дурышкина, и в квартире священника Чулкова, известного отца Василия, вышедшего из народа и пользовавшегося самой большою популярностью между купцами, мастерами и всяким бедным людом.

Раз, бродя по городу, Аннушка зашла в Лавру и, встретившись здесь с одним архимандритом, предсказала ему получение епископского сана. Действительно архимандрит вскоре был хиротонисан во епископа и оставлен в Петербурге викарием. Он определил Анну Ивановну в Охтенскую богадельню под вымышленной фамилией Ложкиной. Впрочем, и после определения в богадельню она гораздо чаще жила на Сенной, у своих благодетелей, – говорят, потому что жизнь богаделенок ей не нравилась. Да и сама она не слишком-то нравилась богаделенкам за сварливость и частые ссоры. Одета в отвратительные лохмотья, она заводила ссоры, бранилась с извозчиками и нередко вместо платы за провоз била их палкой. Такая товарка богаделенкам не могла быть приятною, зато на Сенной площади она пользовалась чрезвычайным уважением. Торговцы, мастеровые, чер-

норабочие и даже весьма многие духовные лица в Петербурге видели в ней юродивую Христа ради и не соблазнялись ее наружностью. Мне передавал один из старожилов Петербурга следующий факт, случившийся в доме его отца:

«Анна Ивановна часто бывала у моего отца; у него жил бедный аптекарь. Раз, придя к отцу, она спросила:

– Где аптекарь?

Когда последнего позвали к Анне Ивановне, то она положила ему в рот десятирублевую бумажку, сказав:

– Крепко будешь париться в бане, немец!

Не прошло и двух дней после этого, как аптекарь, составляя что-то на плите, жестоко обжег себе лицо и грудь и долго после того лечился в больнице».

Незадолго до своей смерти Анна Ивановна пришла на Смоленское кладбище, принесла покров и, разостлав его на земле, просила протоиерея отслужить панихиду по рабе Божией Анне. Когда панихида была отслужена, она пожертвовала покров в церковь с тем, чтобы им покрывали убогих покойников, и

просила протоиерея похоронить ее на этом месте. После этого приходили к ней монахини из женского монастыря и предлагали место на своем кладбище, но она отказалась. При погребении ее присутствовали почти все обитатели Сенной площади. На могиле ее стоит деревянный крест и положена плита с надписью. Могила постоянно посещается народом; посетители берут землю из-под плиты и уносят ее с собою как средство от болезней.

VI Иван Яковлевич

Из всех известных лжепророков ни один не пользовался такою большою известностью, как живший в Москве, в половине нынешнего столетия, Иван Яковлевич Корейша. Он должен занимать первенствующее место в истории различных чудачеств. Про него почитатели его говорили: «Он от писаний скажет и эллинской премудрости научит, и табачок освятит!»

Иван Яковлевич Корейша родом происходил из смоленских священнических детей; обучался в Духовной академии, затем жил в Смоленске, управляя чем-то, но наделал что-то недоброе и ушел в лес, решивши юродствовать.[8] Крестьяне нашли его в лесу копающим палкою землю, без шапки и без всякого имущества; они построили ему избушку, стали к нему ходить, и скоро имя Ивана Яковлевича сделалось известным во всей окрестности. Такое начало подвижнической жизни Ивана Яковлевича было в древнерусском ду-

хе. В старину все старцы и старицы уходили в лес, в пустынные места, в особенности на север, где у них являлась землянка или келья. Вскоре молва о пустынноике достигла деревень и сел, и толпа собиралась, чтобы принять благословение, послушать вещей речей и т. д.

Но строгой подвижнической жизни Ивана Яковлевича не суждено было дальнейшего развития. В двадцатых годах в Смоленске жила одна богатая и знатная дама; у ней была дочь-невеста, стоворенная за одного военного, героя Двенадцатого года. Свадьба была уже назначена, но невесте вздумалось съездить к Ивану Яковлевичу. И вот мать с дочерью едут в лес, к землянке Ивана Яковлевича, и спрашивают у него: счастлива ли будет замужем такая-то раба Божия?

Иван Яковлевич вместо ответа вскакивает со своего места, стучит кулаками о стол и кричит: «Разбойники! воры! бей! бей!»

Воротившись домой, невеста объявила, что она замуж за своего жениха не пойдет, потому что Иван Яковлевич назвал его разбойником. Жених, узнав причину отказа, тот-

час же отправился к Ивану Яковлевичу, изрядно поколотил его, а потом просил губернатора избавить общество от полоумного изувера, расстраивающего семейные дела.

Так как дома для умалишенных в Смоленске не было, то Иван Яковлевич был отправлен в московский «безумный дом», как тогда его называли. Невеста же замуж совсем не пошла, а переселилась в монастырь, где была игуменьей и вела переписку с Иваном Яковлевичем по свою смерть.

Ехал Иван Яковлевич в Москву, а слава о нем бежала вперед, распространяя слух, что едет пророк, чудесно все угадывающий и предсказывающий. По приезде в Москву, Иван Яковлевич был помещен в дом умалишенных. Вот описание его комнаты и его самого, заимствованное нами из газет того времени: «В его палате стены уставлены множеством икон, словно часовня какая. На полу, пред образами, стоит большой высеребренный подсвечник с массой свечек; в подсвечник ставят свечи.

Налево низко молится странник с растрепанными волосами и в порыжелом от солнца

кафтানে. Направо, в углу, еще ниже молится баба. Прямо на диване сидит молоденькая девушка, на полу возле него – известная московская купчиха З. Увидав вошедших людей, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое кверху, чтобы не замарать его на полу, подвела к нему под благословение своего ребенка, потом сама подошла, поцеловала его руку и лоб, перекрестила его и вышла.

Направо, в углу, на полулежит Иван Яковлевич, закрытый до половины одеялом. Он может ходить, но несколько лет предпочитает лежать; на всех больных надето белье из полотна, а у Ивана Яковлевича и рубашка, и одеяло, и наволочка из темноватого цвета. И этот темный цвет белья, и обычай Ивана Яковлевича совершать все пищевые потребности, как то обеды и ужины (он все ел руками – будь это щи или каша – и о себя обтирался) – все это делает из его постели какую-то темно-грязную массу, к которой трудно и подойти.

Лежит он на спине, сложив на груди жилистые руки. Ему лет около восьмидесяти; лоб высокий, голова лысая, лицо какое-то придавленное. Он молчит или почти не отвечает на

все предлагаемые ему вопросы. Сторож ему говорит:

– Иван Яковлевич, что же вы не скажете ничего господам? Скажите что-нибудь им.

– Я устал, – отвечал он, но потом сказал кое-что очень обыкновенное».

По Великим постам он велел приносить себе постные и скоромные кушанья, мешал их вместе и сам ел, и других кормил. За обедом и ужином принимал он и водочку Купчихи, которые дома не обходятся без постного сахара, ели у Ивана Яковлевича скоромные кушанья, веря, что это богоугодное дело.

Вообще же мешанье кушаньев имело в глазах почитателей его какое-то мистическое значение. Принесут ему кочанной капусты с луком и вареного гороху, оторвет он капустный лист, обмакнет его в сок и положит к себе на плешь, и сок течет с его головы; остальную же капусту смешает с горохом, ест и других кормит: скверное кушанье, а все едят. Впрочем, поклонники его и не это делали. Князь Алек. Долгорукий[9] рассказывал, что он любил одну госпожу А. А. А., которая, следуя в то время общей московской доверчиво-

сти к Ивану Яковлевичу, ездил к нему, целовала его руки и пила грязную воду, которую он мешал пальцами. Князь добавляет, что «я на нее крепко рассердился за это и объявил ей, что если она еще раз напьется этой гадости, то я до нее дотрагиваться не буду. Между тем, спустя три недели, она отправилась вторично к нему – и когда он по очереди стал опять поить этой водой, то, дойдя до нее, отскочил и три раза прокричал: „Алексей не велел!“».

Более сорока лет он предсказывал о женихах, угадывал о местах, пророчествовал о морозах, о засухе, бурях, холере, о войне и т. д. Ему несли дары «с упованием некия пользы», но сам он ничем не пользовался, а раздавал окружающим.

Кроме того, при доме умалишенных была устроена кружка, куда доброхотные датели клали свои лепты, нередко и красненькие бумажки, как это делали замоскворецкие купчихи. Приносимые же ему дары состояли обыкновенно в калачах, яблоках и нюхательном табаке. Принятые Иваном Яковлевичем, такие дары приобретали в руках его какую-то

необыкновенную чудесную силу, потом же раздавались всем приходящим к нему и производили мнимые чудеса.

Одна барыня, услышав однажды голос неверия, рассказывала, как у ней болел палец на руке, и медики присудили его отрезать, сказав, что если она не отрежет пальца, то скоро нужно будет резать ей всю руку. Несколько дней продолжалась ужасная боль в ее пальце, и не знала она, что ей делать и куда деваться. И вдруг вспомнила, что в ее комоде лежит сверток табаку, подаренного ей Иваном Яковлевичем, с надписью: «Табак от Ивана Яковлевича». Она велела подать себе этот табак, посыпала им палец, и – чудо! – палец тотчас же перестал болеть и скоро зажил.

– Таким образом все ваши доктора, – продолжала она, – шарлатаны, а Иван Яковлевич истинный целитель.

Кроме нюхательного табаку, другим служили лекарством записочки, которые он раздавал приходящим. Записочки эти носили на кресте; они исцеляли зубную боль, но главное, по смыслу написанного в них указывалась судьба.

Писал Иван Яковлевич очень четко, но на место слов иногда делал каракульки, чтобы в его писании было больше чудесного.

С этою же целью употреблял он греческие и латинские слова. Предсказания его и записочки были всегда загадочны до отсутствия всякого смысла, в них можно было видеть все и ничего не видеть, а потому, объясняемые с известною целью, они постоянно сбываются.

В последнее время своей жизни Иван Яковлевич редко писал записочки; писанием их занимался его послушник Александр Васильевич, который был прежде дьяконом и все это к батюшке ходил, а под конец, как передавали поклонницы Ивана Яковлевича, выпросился из дьяконов, да при нем и остался.

Вот несколько образчиков письма Ивана Яковлевича писано к одной даме, имевшей с ним сношение в продолжении более двадцати лет. Каждый шаг этой дамы, вся участь ее детей, все это предварительно подвергалось обсуждению его. Например, дама писала «Что ожидает Петра – женитьба или монастырь? О чем думает Петр?» Ответ Ивана Яковлевича был следующий: «Я не думала и не гадала ни

о чем в свете тужить. А когда пришло времячко: взяла грудь тамить и несть под лексом (законом), но под благодатью!»

Вопрос: Идти ли рабе Божьей в монастырь?

Ответ: Цорная ряза не спасает, а альпа (альба, т. е. белая) риза у ереси не уводит. Будьте мудри, яко ехидны, и цели, яко колюмп(б)ы (голуби) и нетленен яко ар(б)порс (деревья) кипариси и певки и кедри 1832 года мензис (месяц) Иулия XXII студент холодных вод Иоанус Иаковлев.

Вопрос: Скоро ли получит раб Божий Николай (семинарист)?

Ответ: Во вселия (т. е. в селы).

Вопрос: Женится ли Х.?

Ответ: Без працы не бенды колацы (sic!).

Вопрос: Велят ли выдать мне проценты?

Ответ: В мефу дать аргент (серебро) боится.

Вопрос: Что случится с рабом Александром?

Ответ: Александр Львос Филипа Василавсу Македону Урбсу (sic!).

Надо заметить: московский прорицатель не церемонился с буквами и писал вместо «б»

«П» и т. д.

Незадолго до своей смерти Иван Яковлевич[10] написал к одному лицу в Москву следующее письмо: «Иоан Яковлевич оттенок нетленного света тышет к лучю нетленного света бессмертного луча и света[11]... на брэнной земле... свет миру, а луч православный на земли и на водах ей витийствует Дух да почиет свет от трудов своих; не приветствуя Вас... как всегда готовою для всемирной славы, тако мир благовествую. Более гораздо квадратных лет ради Бога с его народами тружусь у печки на двух квадратных саженьях. Кто ищет Царствие Небесное нудится, а нуждницы восхищают. Благодарю Создателю моему, что Он меня, пораженного болезнями, не отринул, послал исцеление. Ты, Господи, вся стихиею сотворил еси; Души праведных в руке Божий, от нетленного Света брэнный свет питается... обратите милостивое ваше внимание на Ивана Яковлевича, исходатайствуйте ему свободу из больницы на чистый прохладный безболезненный воздух к родной племяннице моей, диаконице Марии в село Петровское, за таковое ваше милосердие воздаст

вам Бог и Господь и Дух Святой воздаяние во Единой Троицы славимый. Аминь».

По этому письму Ивана Яковлевича хотели выпустить из дома умалишенных, но когда ему объявили это, то он сказал, что «идти никуда не хочет, а тем более в ад». Из разных способов, которым приписывалась врачующая сила Ивана Яковлевича, замечательны были следующие: девушек он сажал к себе на колени и вертел их; пожилых женщин он обливал и обмазывал разными нечистотами, рвал им платья, дрался и ругался; всему этому придавали суеверы символическое значение.

Княгиня В., больная, поддерживаемая двумя лакеями, приехала к нему спросить о своем здоровье. В это время у Ивана Яковлевича были в руках два больших яблока. Ничего не говоря, он ударил княгиню этими яблоками по животу. С ней сделалось дурно, она упала и потом, как говорили, болезнь как рукой сняло: она выздоровела.

Прыжов в своей книге[12] приводит некоторые семейные воспоминания о Корейше «Бабушка моя, тетушка и матушка, – говорит он, – были усердными почитательницами

Ивана Яковлевича. У бабушки жила шутиха, некая Лизавета Ивановна, старая безнравственная девка, забавлявшая всех такими же шутками, какие Берхгольц видел при дворе Прасковьи Ивановны. Отправляясь раз к Ивану Яковлевичу, бабушка взяла с собой Лизавету Ивановну, у которой тогда болела голова. Вот вошли они на двор «безумного дома»; Лизавета Ивановна шла впереди. Увидев ее, Иван Яковлевич, гулявший тогда по саду, бросился на нее, повалил ее на землю, сел на нее верхом и начал бить ее по голове моченым яблоком и бил до тех пор, пока не измочалил все яблоко. Еле-еле убралась от него Лизавета Ивановна, и – представьте, что сделалось! – у нее от побоев перестала болеть голова».

Из почитателей Ивана Яковлевича известны господин Олсуфьев, купчиха Заливская и госпожа Г. Рассказывали, что последняя дама имела в Москве судебное дело, в котором отказано ей было во всех инстанциях. Подавала она несколько просьб начальству, и кончилось тем, что ее обязали подпиской не беспокоить более начальства. Что ей делать? Она бросилась к Ивану Яковлевичу; он ей ска-

зал: «Не бойся! ступай в Питер и проси священника Александра». Она поехала в Петербург, говела там, исповедалась нарочно у священника Александра и выиграла дело. У нее же за долги было назначено в продажу имение. Завтра аукцион. Что ей делать? Она к Ивану Яковлевичу. «Не бойся, – говорит он ей на своем мистическом языке, – все будет хорошо!» Она, грешная, не верит, идет домой... и что ж? ей дают займы денег, она платит их, и имение остается за нею! Но не ко всем добр бывал Иван Яковлевич. Приезжают раз к нему три жирные и очень известные московские купчихи в тысячных салопах, и одна из них, беременная, спрашивает: кого она родит – мальчика или девочку? Иван Яковлевич выгнал их всех и не стал с ними говорить.

Приехала к нему известная некогда красавица-купчиха Ш. и спрашивает его, о чем ей было нужно, а он поднял ее платье и говорит. «Все растрясла – поди прочь!»

Настоящих дураков Иван Яковлевич терпеть не мог и гонял от себя, но особенно он не любил, когда к нему обращались с нелепыми вопросами.

В числе его почитателей много было важных лиц, и когда они приезжали, то к нему никого больше не пускали.

Таким почитателем Ивана Яковлевича считалось одно известное лицо, которое, по его записочкам, написанным на клочке серой бумаги, оказывало покровительство его родственникам. Так, например, племянник Ивана Яковлевича был переведен из села Петровского в село Черкизово.

Эти черкизовские родственники сильно хлопотали, чтобы взять к себе Ивана Яковлевича и таким образом открыть у себя торговлю. Им помогал некто В.; говорят, что последний был прежде дьяконом, потом женился на купчихе, был учителем, по ходатайству одного лица перед губернатором, князем С.М. Голицыным, поступил в совет, где, по милости князя же, дослужился до коллежского асессора, потом поступил в монахи, а теперь опять сделался светским. Он подавал тоже прошение, чтоб взять Ивана Яковлевича из сумасшедшего дома.

Иван Яковлевич недели за три до своей смерти впал в беспамятство, и все это время

уста его не говорили вещей слов, посетители выходили от него с грудой нерешенных вопросов; за все время его агонии публика входила в его комнату бесплатно.

Из предсмертных его особенных действий известно, что за восемь дней до смерти он приказал купить восемь окуней и сварить ушку, покушав последней немного, он отложил ее до утра. Потом, раз ночью, выдвинулся он на середину комнаты и лег ногами к образам, как прилично покойнику, но внимательными заботами сторожа был водворен на прежнее место, в угол к печке.

Наконец пришел роковой час, и Ивана Яковлевича не стало. Скорбная весть о его кончине быстро пронеслась по всем концам Москвы. Множество поклонников спешило к нему, и все несли ему уксусу, спирту, масла, духов для умащения его тела.

Два дня стоял он в своей комнате, и масса народа не отходила от него, прикладывалась к нему и помазывала его для уничтожения появившегося зловония. Благоразумные поклонники, опасаясь, что от усердного натирания труп окончательно испортится, сочли

нужным вынести его в часовню.

«Московские полицейские ведомости» сообщали, что умершего в Преображенской больнице Ивана Яковлевича Корейшы отпевание тела будет в воскресенье, 10 числа, в 10 часу утра, в приходской, что в Екатерининском богадельном доме, церкви, а погребение – в Покровском монастыре.

В назначенный день чем свет стали стекаться к нему почитатели; но погребение не состоялось за возникшим спором, где именно его хоронить. Говорят, что чуть не дошло до драки, и брань уже была, да и порядочная. Одни хотели везти его в Смоленск, на место его родины; другие хлопотали, чтоб он был похоронен в мужском Покровском монастыре, где даже вырыта была для него могила под церковью; третьи умиленно просили отдать его прах в женский Алексеевский монастырь, четвертые, уцепившись за гроб, тащили его в село Черкизово, где у покойного осталась племянница в замужестве за дьяконом, который поэтому нажил себе благодетелей. На последней стороне больше всего было силы, и она одолела.[13] Из опасения, чтобы не украли те-

ло Ивана Яковлевича, стоявшее в часовне, сначала приставили к нему сторожа, а потом внесли в церковь, откуда уже никак нельзя было его украсть. Во все это время шли дожди, и была везде страшная грязь, но, несмотря на это, во время перенесения тела из квартиры в часовню, из часовни в церковь, из церкви на кладбище женщины, девушки, барышни падали ниц, ползали под гробом, ложились по дороге, чтоб над ними пронесли гроб. Принесли его в церковь. Близ гроба поставили три кружки, и эти кружки быстро наполнялись деньгами, а затем деньги, которые не взяли в кружки, посыпались на гроб.

Гроб до самой могилы несли мужчины и женщины. Хоронили его за счет господина Заливского, хотя он был католического вероисповедания. Этот же самый Заливский хоронил и Семена Дмитрича.[14]

К выносу праха из церкви собрались отовсюду уроды, юроды, ханжи, странники, странницы. В церковь они не входили за теснотой и стояли на улице.

И тут, среди белого дня, среди собравшейся толпы, делались народу поучения, соверша-

лись явления и видения, изрекались пророчества, хулы, собирались деньги, издавались зловещие рыкания и проч., и проч.

Господин Скавронский[15] указывает еще несколько особенностей погребения Ивана Яковлевича. В продолжение пяти дней его стояния отслужено более двухсот панихид; псалтырь читали монашенки, и от усердия некоторые дамы покойника беспрестанно обкладывали ватой и брали ее назад с чувством благоговения; вату эту даже продавали; овес играл такую же роль; цветы, которыми был убран гроб, расхватаны вмиг; некоторые изуверы, по уверению многих, отрывали даже щепки от гроба.

Бабы провожали гроб воем и причитаниями: «На кого ты нас, батюшка Иван Яковлевич, оставил, покинул сиротинушек (последнее слово пелось и тянулось таким тоном, что звенело в ушах), кто нас без тебя от всяких бед спасет, кто на ум-разум наставит, батюшка-а-а?».

Многие ночевали около церкви. Могила выстлана была камнем, наподобие пещеры: многие в нее спускались и ложились. Долгое

время на могиле служили по двадцати панихид в день. Московские купчихи, завертывая в дорогие турецкие шали свечи и ладан, едут на могилу Ивана Яковлевича и, отдавая там свои дары, говорят: «Свечи и ладан нашему батюшке, а шаль священнику».

С. Калошин, редактор «Зрителя», описывает день похорон следующим образом: «Я видел, как среди двора окруженные разнородными фигурами, горячо спорили два священнослужителя, городской и сельский, имея безмолвным ассистентом третьего. Состязатели оказались равно тонкими диалектиками, но наконец столичное красноречие превозмогло. Вынос Ивана Яковлевича отличался большою торжественностью. Шли певчие и духовенство; гроб несли женщины на головах; под покров, распростертый в виде шатра, проходили, как, видел я, проходят под образа. Гроб был украшен цветами, к нему беспрестанно прикладывались, отрывая листья и цветы, подносили детей, брали опять зерна из-под покрова и т. д. По окончании панихиды какая-то женщина из простонародья стала метаться у гроба и произнесла несколько таких

слов, что ее вывели. Рев и вой в народе не прекращался, крикуньи орали, как зарезанные, и метались, как бесом одержимые; на кладбище была страшная давка».

Ниже Калошин говорит: «Я видел в Москве похороны двух известных русских людей, Гоголя и Ермолова; того и другого провожала толпа. Но это были не те проводы, не те и почести: за Гоголем с благоговейным сознанием шел университет, к которому примыкала горсточка просвещенных людей, свет, привыкший к университетской церкви, где стоял прах великого человека. За Ермоловым народ валил потому, что тут были войска, пушки, музыка, — словом, даровое зрелище. И тени той торжественности, которою были проникнуты последние почести Ивана Яковлевича, никто не видал вокруг останков гениального поэта и славного вождя». Неутешная толпа, по словам газет, прямо с похорон пошла в сумасшедший дом и венчала там на место Ивана Яковлевича нового юродивого, который уже лежал на его месте, испив малую толику от заупокойной чаши.

Новый преемник Ивана Яковлевича еще

при жизни писал записочки; говорил он не уставая, говорил много, но совершенно безотносительно к нуждам посетителей, и все больше о политических неурядицах иностранных держав, до которых поклонникам святоши дела не было.

Несмотря на то, что прошло несколько десятков лет, а ревнители умершего Ивана Яковлевича до сих пор не могут забыть своего любимца и глубоко скорбят о своей невозвратной потере.

VII Цыган Гаврюша

Лет десять тому назад Замоскворечье с величайшим наслаждением упивалось разными рассказами некоего отца Гавриила Афонского, или попросту Гавриила Федоровича. Этот кудесник был происхождением из молдаванских цыган, но про себя он рассказывал, что он был черногорский магометанин и перешел в православие вследствие какого-то совершившегося с ним чуда.

Видом он был сухощав, с небольшою седою бородою. Разные чудеса, впрочем, к неописанной радости его почитателей, никогда не покидали отца Гавриила, и разные демонские искушения не оставляли его ни днем, ни ночью.

По словам его, демоны все больше норовили совратить его блудною страстью и являлись к нему в виде нагих прелестниц и разных морских чудовищ, разных аспидов и василисков.

Отец Гавриил во всем этом видел перст,

указывающий ему один возврат на Афон; но так как туда дорога была дальняя и путь не дешев, то усердные подачки на дорогу и сыпались ему за голенище от доброхотных дателей ежедневно.

На пение же юниц и на танцы Иродиад он не взирал и затыкал свои уши воском, как хитроумный Улисс. Таким образом, набирая деньги и выходя чуть ли не десяток раз из Белокаменной, он набрал состояние в несколько тысяч рублей.

Для временного пребывания в Москве один богатый его поклонник, купец, устроил ему в саду келью, где и проживал отец Гавриил. У купца этого, впрочем, в самое короткое время пустынный сумел вселить в семье такой раздор, что под конец был изгнан с позором.

После этого слава его немного поколебалась, и он должен был идти в один скит близ Москвы, но и тут ему не жилось; и вот, спустя несколько лет, он появляется в Москве, заходя к старым знакомым с разными образками, сделанными из кости рыбы-единорога, с прошивками и слезками Богородицы.

Богатое купечество всегда радо было видеть его дорогим своим гостем и угощало его стерляжьей ущицей, которой он был большой охотник, так же как и до почестей, вроде целований рук и земных поклонов.

В разговорах он всегда был груб и говорил более категорически. За батюшкой Гаврилом Федоровичем богатые купчихи высылали всегда готовый экипаж, в котором он кататься весьма любил.

По слухам, он был негласным участником в лошадиной торговле известного московского барышника Б-ва, у которого цыган прежде служил работником на дворе, когда тот еще держал звериную травлю.

Также Гаврила Федорович слыл в Москве за хорошего коновала, умевшего давать людям «обратную падь» и пускать кровь из «соколка».

VIII

Андрей-старчик

Другой такой же пустосвят известен был в Москве под именем отца Андрея, он родом был из духовного звания и воспитывался в Петербургской духовной академии, «но убоялся премудрости и возвратился вспять». После выхода из Академии за разные неблагоприятные проделки он попал в острог и там принялся юродствовать.

Сначала он ходил по Москве босиком, в белой поярковой шляпе, но, развиваясь понемногу, стал рядиться в разные костюмы для разных случаев. В дом церковного старосты, в день храмового праздника, он являлся в одежде послушника, подпоясанный ремнем, на голове скуфейка; в дом богатой барыни он входил в сюртуке и шляпе с лорнеткой; на гуляньях он одет был купцом или крестьянином.

Видом он был похож на порядочного человека, у него очень длинные вьющиеся русые волосы и красивая такая же борода, правиль-

ные черты лица; он хорошо говорил по-французски, да еще таким мягким и вкрадчивым голосом. Явившись к богатой аристократке, он выдавал себя за дворянина знатной фамилии, рассказывал, что он бросил почести и все земное «Бога ради» и что с малолетства возымел желание спасти свою душу подвигом юродства.

В обществе старух, ханжей и купчих он толковал о смерти и аде, о своих великих согрешениях и т. п.

В доме благочестивых он надевал на себя вериги и облакался в рубище; если его оставляли там ночевать, то он не ложился на кровати, а где-нибудь на полу. «Поспишь здесь мягко – уснешь там жестко», – говорил он. Также прикидывался он великим постником в доме ханжей, съедал только два грибка, да соленый огурчик. Где-нибудь в трактире, между кутящими купчиками, он был первый собеседник и делался душой общества, пел скабрзные песни, пил больше всех, плясал и т. д.

Он проживал долгое время во Ржеве, у некогда поселившейся там молодой ханжи,

богатой почетной гражданки М-ной, но здесь не ладил с известной ее опекуншей Б., известной тоже пустосвяткой и лицемеркой, пять лет назад судимой за мошенничество и сосланной в Сибирь.

По рассказам москвичей, отец Андрей впоследствии покончил с юродством и в компании с некоторою разбитною женщиною занялся другим предприятием в собственном общеувеселительном заведении.

IX

Кирюша-старчик

Некогда в Москве проживал на Зацепе лже-прорицатель, морочивший благодушную слепоту; с виду очень благообразный, сухощавый, начитанный и красноречивый старик Кирюша, родом из крестьян. На вопрос, кто он и что он, у него был один ответ: «Аз есмь раб Божий Кирюша».

Носил он всегда на груди сумку, которую никогда не снимал. Сначала он ни к кому не ходил, и его трудно было зазвать в гости.

– Батюшка Кирюшенька, – упрасивает его какая-нибудь купчиха. – Зайди чайку откушать!

– Не пойду, не пойду, – отвечает он. – Рад бы в рай, да грехи не пускают.

Такие темные словеса только щекотали и раздражали женское любопытство.

Раз, впрочем, одна лабазница, известная в Москве богатая купчиха, как-то обманом залучила его. Войдя на двор, он начал креститься, но, не дойдя до крыльца, закричал благим

матом:

– Полы не мыты, полы не мыты, псы были! – и ушел. Купчиха перетолковала это так и рассказала всем:

– Батюшка-то угадал, вчера у меня был учитель дочери, немец – значит, бусурман, нехристь...

Учителя тотчас прогнали, полы вымыли, окна и двери окропили святой водой и отслужили молебен – потом послали за Кирюшей, предварительно пригласив всех знакомых посмотреть, как блаженный будет показывать свою святость.

Когда все были уже в сборе, тихой поступью вошел в комнаты и Кирюша, войдя, снял свою сумочку и, обращаясь к собранным дамам, спрашивал их:

– Мужатые вы или вдовицы?

Когда последовал ответ, что мужатые, т. е. замужние, то Кирюша спросил:

– Соблюдаете ли себя? Чисты вы или нет? Если нечисты, то не приступайте – иначе обличены будете!

Последовал робкий и нерешительный ответ, что все чисты; тогда он приказал всем

кланяться до земли и став на колени, начал вынимать из сумки разные вещи.

– Вот, – говорил он, – покажу вам прежде тьму египетскую, что напущена на фараона, – и показал черную скляночку, к которой все прикладывались, а вот часть младенца, убитого Иродом; а вот перышко из крылышка Михаила Архангела; вот косточка Кузьмы-Демьяна; вот камень, взятый Моисеем при переходе через Чермное море; вот копыто валаамской ослицы; вот кость от того кита, в котором пребывал Иона; вот щепочка той лестницы, что видел Иаков во сне.

Из всего показанного все было раскуплено за дорогую цену знакомыми лабазницы.

Кирюша отчитывал больных, лечил младенцев от бессонницы, жен благочестивых от бесплодия и т. д. Но сам не мог уберечь себя от сетей прекрасного пола и, посещая одну набожную портниху, влюбился в ее мастерицу, которую и взял на содержание, открыл ей магазин; но та, как только отобрала у него все деньги, выгнала его вон, а сама вышла замуж за писаря из участка. Репутация блаженненького после этого пала, он стал загуливать и,

казалось, погиб не возвратно, но потом снова поправился, опять начал пророчествовать и поправившись во второй раз, уже занялся торговлей, долго был в Москве кулаком-старьевщиком.

Х Второй Кирюша

Не менее описанного Кирюши был известен в Москве проживавший в доме княгини Н. другой Кирюша, известный еще более первого своими странностями; родом он был из одного села Борисоглебского уезда. Проявил себя этот пустосвят сначала в двух губернских городах – Туле и Воронеже.

Остриженный и обритый, в легком черном демикотоновом полукафтани, без шапки на голове, он зиму и лето ходил по улицам. В правой его руке постоянно был жезл с привязанным на конце букетом свежих цветов; палка эта была внутри пустая, налитая свинцом, что придавало ей большую тяжесть; букет цветов имел вид постоянно свежий, даже и зимою, чем, конечно, был обязан своим почитателям прекрасного пола. Лицо у Кирюши цвело здоровьем. Чтобы лучше обморочить простодушных своих поклонников, он притворился немым и более полугода ни с кем не говорил; но когда, по его соображению, наста-

ло время окончательно одурачить суеверов, он заговорил. Эта выходка поразила всех: «Заговорил, так неспроста!» – твердили его обожатели. Кирюша в свою очередь тоже смекнул, чего от него ожидают, и начал пророчествовать. Несколько точно сказанных по известным обстоятельствам фраз составили Кирюше громкую славу великого прорицателя и открыли ему двери богатых домов Воронежа, где он широко и пользовался разными дарами, и разъезжал в богатых экипажах. Особенно баловало Кирюшу купечество. Одно время жил он в доме почтенных граждан А-х, в нижнем этаже ему была отведена особая комната, зная, что все домашние, от прислуги до хозяев, жадно следят за ним, Кирюша вел себя осторожно. Каждый вечер он затворялся в комнате и усердно клал земные поклоны. Любопытные смотрели на него в дверную скважину, и чтобы отвязаться от последних, он вдруг, не оборачиваясь, говорил: «Знаю, знаю, что вы на меня смотрите!» Зрители, внутренне укоряя себя в любопытстве, со страхом расходились, крестясь. Один только человек в доме этого купца прилежно наблюдал за по-

хождениями блаженненького; это был кучер Николай, и любопытный не остался в накладе – он подсмотрел, что после моленья Кирюша имел привычку пересчитывать свою выручку, добрался как-то до нее и утянул весь капитал лжепророка.

В одну ночь, когда кучер уже не видел ничего любопытного в надзоре за Кирюшей, последний поднял страшный крик в доме; все сбежались; Кирюша волновался в припадке злости, но о деньгах не говорил ни полслова.

– Пустите меня вон отсюда! – кричал он неистово – Не хочу больше здесь оставаться...

После уже узнали о покраже у него. Отправившись из Воронежа в Тулу, Кирюша там поселился на жительство у богатого купца Д.; для него была отведена особая комната, которая и носила название Кирюшиной.

В Туле он пользовался большою популярностью, и по рассказу, который находим в книге двадцати шести московских лжепророков (с. 143), в тот год, когда в Туле был большой пожар, Кирюша перед отходом своим в Воронеж был в доме купца М-ва; посмотрев в окна, он указал на город и проговорил: «Ско-

ро, скоро будет большая суета... все будет чисто...». Спустя немного времени по уходе Кирюши из Тулы город сторел; слава лжепророка через это утвердилась.

В Москве, как мы уже говорили, княгиня N. отвела для него в своем доме особую комнату, которая постоянно вся была убрана цветами. По прихоти Кирюши каждый отцветший горшок с цветами был заменяем новым, цветущим. Так блаженствовал Кирюша целый год. Наконец совесть заговорила в нем: ремесло обманщика надоело ему, и он, отрастив себе бороду и волосы на голове, уехал в свое родное село, где первым долгом сделал на свой счет иконостас для сельской церкви и выстроил себе дом с хорошим плодовым садом. Когда он раз, проездом через Тулу, зашел по старой памяти в гости к почетному гражданину Л-ву, где когда-то он постоянно жил, тот спросил его за чаем: не приходит ли ему и теперь еще когда-нибудь охота блажить по-прежнему? Кирюша простодушно отвечал:

– Нет! никогда! подурачился, да и будет!..

По словам А-ва, из бывшего пустосвята вышел очень хороший садовод.

ХІ

Матушка-кувырок. – Никола- дурачок. – Феодосий- веригоносец, да Петр- прыгунок

В числе нравственных уродов в Москве был некогда известен Матюша, родом из крестьян, небольшого роста, с русой бородой; ранее своего пустосвятства он был нищим в городских рядах, где для именитого купечества кувыркался турманом, ходил колесом, пел петушком и т. д. Устав на этом поприще, он поступил в монастырь, но его оттуда скоро удалили за хитростное неоднократное пронесение в монастырь «оловастры мира, сиречь водки».

После этого Матюша уже является в преображенном виде, в послушническом наряде, ходит по купцам, как некий начетчик духовных книг и прозорливый старец, поздравляет их с праздником, с ангелом, собирает на скиты и монастыри и изрекает ужасные слова: «жупел», «собаче», «геенна огненна» и т. д. Из

числа служивших потехою честному купечеству стоит тоже внимания некий Николаша-дурачок. Его приютила московская матросская богадельня, известная соседством с тем безумным домом, где проживал Иван Яковлевич. Т. к. в этой стороне нет ни театров, ни балаганов, ни увеселительных садов, то благодетельное купечество, глядя на Николашу, утешало себя, надрывая свои животики.

Николаша был очень простое, доброе и слабое существо, великий охотник до репы и, к несчастью, до мати-сивухи, к которой приучили его благодетели-торговцы Преображенского рынка. Они выучили его также пять отвратительные песни; наряжали его в шутовской костюм, например, в ливрею, лакеем, и заставляли его петь и плясать, а сами хохотали над ним и дразнили его, как собаку, заставляя чихнуть раз пятьдесят, зевнуть раз сто; он зевал и чихал до поту, до изнеможения. Словом, этот несчастный представлял для московского захоlustья обычную его уличную идиллию.

Известен также был в Москве, на грустном

пути пустосвятства, некий отец Феодосии, родом он был из крестьян Дмитровского уезда и проживал в Хамовниках. Ходил он всегда босиком, носил железные вериги и пророчествовал. Видом он был здоровый мужик, лет сорока, с окладистой бородой, плешивый. У него была дочь, молодая девушка, которая и отбирала у него деньги. С ним же всегда ходил другой юродивый, Петр Устюжский, в послушническом полукафтаны, подпоясанный ремнем. Он ходил вприпрыжку, отчего и носил кличку «бегуна».

Петрушка очень любил все съестное – в особенности сладкое – и баб, которых называл *вербочками, пеночками, кинареечками, лапушками* и т. д. Верующие ставили ему это в добродетель юродства.

Он отличался настолько большим аппетитом, что зараз съедал целый арбуз, как бы он велик ни был, при виде арбуза он кричал: «Искушение, искушение, великое искушение!» – и затем, взяв его в коленки, ел до тех пор, пока от него оставались одни корочки.

С такою же прожорливостью накидывался он на икру и не переставал ее жевать, пока не

останется ни зернышка. Поклонники, зная его пристрастие к этим яствам, угощали его до отвала, видя в этом какой-то подвиг юродства.

XII

Иван Степаныч и Ксенофонт, отрок его. – Данило- пустосвят и Феодор

В числе лжепророков на Москве знаменит был и Иван Степанович, старик-мужик, одетый в послушническое платье. Говорил он довольно красноречиво; родом из крестьян, прежде он был извозчиком-лихачом, стоял у Ермолая на Садовой, возле Козихи. Он одно время ходил по Москве босиком и пророчествовал. Полиция привлекла его за бродяжничество и бесписьменность и посадила в острог. Выйдя из последнего, он стал уже ходить пристойнее, в сапогах и бросил юродство, но посещать дома купцов стал уже как «наставник в благочестии».

Вскоре он успел сколотить этими делами капиталец, купил на реке Пахре домик, в котором и основал свой приют.

У купчихи Замоскворечья и на Самотеке Иван Степанович пользовался каким-то особенным расположением; приход его в дом

считался особенною благодатью. Придет Иван Степанович невесел – и все думают, что быть беде. Захворай кто-нибудь после его посещения – хотя бы через год – и все говорят: «Иван-то Степанович был невесел, вот и захворала Акулина Михайловна!». Умри кто-нибудь через полгода: «Вот, – скажут, – Иван Степанович-то все хмурился, вот оно к чему!» – и т. д.

Иван Степанович очень любил читать поучения, и все они клонились к тому, чтобы вызвать поболее пожертвований от благодушной слепоты.

Под конец жизни у Ивана Степановича был свой скотный двор, откуда он и посылал своим благодетелям мясную дичину, молоко, творог, сметану и яйца.

У этого Ивана Степановича был и ученик, некто Ксенофонт Пехорский, ходивший босиком с большою палкой в руках, с непокрытой головой, постящийся и будто бы болящий мужик.

Явился он в Москву в 1848 году, во время холерного времени: в такое время чернь особенно падка на этих фокусников. Начал он

родствовать следующим образом: ел он мало, по ночам читал книги, в речи вставлял тексты из Священного Писания, чаю пил мало, да и то не иначе, как с деревянным маслицем из лампадки, смотрел вниз, вздыхал громко, с горничными не заигрывал, вообще вел себя смиренно.

Раза три в год ходил он на богомолье, собрав предварительно хорошие деньги на монастыри. Промыкав так несколько лет, он решился пересчитать свой капиталец и, найдя не одну тышчонку, в одно прекрасное утро скинул с себя шутовской костюм и сделался прасолом, женился и стал поживать припеваючи, под хмельком рассказывая о своих похождениях а la Казанова между московскими купчихами и другими барынями, величая их разными сдобными именами.

Среди других московских пустосвятов-юродивых личность Данилушки Коломенского облекается ореолом какой-то псевдосвятости. Масса неправдоподобных рассказов о его прозорливости, чудесах и т. д. возбуждала некогда в среде московского купечества и мещанства особенное к нему сочувствие и любопыт-

ство. Он был одно время центром, к которому приплеталось все чудесное и таинственное, хотя бы оно и не принадлежало ему.

Родом Данилушка был из села Лыкова, Московской губернии, Коломенского уезда. Отец его был крестьянин, богатый закоренелый раскольник, и имел у себя в доме модельню; мать его считалась большою начетчицею старых духовных книг. Данилушка не был любимцем родителей и рос одиноко, даже играть со сверстниками ходил в другое село, верст за десять.

В детстве Данилушка считался лучшим игроком в бабки и, несмотря на то что был очень близорук, наигрывал их в неделю на хорошую сумму, которую и отдавал на церковь церковному старосте. Последний любил Данилушку за сиротливость, кормил, поил, оставлял нередко у себя ночевать и приучал его к церкви, заставлял его петь на клиросе по слуху и торговать свечами. Отец Данилушки сердился на старосту и жаловался на него своему барину. Барин, когда узнал, что Данилушка – мальчик смирный и добрый, взял его к себе в дом, сделал казачком, стал одевать и

хотел даже учить его грамоте; но Данилушке вскоре надоело все это, и он в одно утро снял с себя одежду и сапоги и принес барину, сказав, что ходить в этом не может, потому что все падает с него; после этого Данилушка уж никогда больше не носил сапог. В праздники и в будни он постоянно пребывал в церкви, а когда не бывало службы в селе, то бегал за две, за три и за пять верст в соседние села. На дворе еще темно, а Данилушка уже бежит куда-нибудь к заутрене, и как бы рано она ни начиналась, а он уже верно успеет к началу. Его не останавливал никакой мороз, хотя бы в тридцать градусов. В одной рубашке, по колени в снегу, по оврагам и полям бежит он к заутрене; если, случалось, придет он раньше благовеста, то пойдет к ближайшему крестьянину и там дожидается. Когда он покинул свое село и пришел в город Коломну, то обыватели приняли его как настоящего юродивого.

Там босиком ходил он по улицам, по церквям, ему давали денег – он деньги брал, опускал их за пазуху и вечером относил в свою квартиру к купцу К. Раз в неделю навещал его

церковный староста и обирал у него деньги. Данилушка, собирая деньги, любил шутить с купцами. Если купец был толст, то, потрепав его по плечу, говорил: «Эй ты, кошелка», одного он называл «синим», другого – «звонким». Если, смеясь, они говорили ему: «Данила, ноги-то отморозил», – то он отвечал: «Сам отморозил», – и, заложив руки за спину (его обыкновенная походка), продолжал идти далее и напевал про себя: «О всепетая мати» или «Милосердия двери отверзи».

Так, живя несколько лет в Коломне, он успел собрать денег на постройку целой колокольни. Самая же церковь в его селе на его собранные подаяния была расписана внутри и снаружи.

Воспитание Данилушки, совершившееся в среде благочестивых купцов, шло вперед, и вот он вскоре начал предсказывать. Толковали бабы, что Данилушка три раза предсказывал пожар в Лыкове, а на третий раз сказал, что Лыково сторит в Великую субботу, и вместе сторит и его отец, – что и сбылось.

Набегал Данилушка в Москву очень часто, здесь ему жилось в Замоскворечье как нельзя

лучше: там он был гость желанный.

Где-то в пригородной слободе, на даче богатого купца, проживал пустосвят Феодор[16] с двумя малолетними сыновьями; ходил он в черном засаленном полукафтаны, с длинными волосами, без шапки и босой во всякое время года. На голове у него был какой-то обруч, обернутый черною сальною тряпицею, с нашитым на ней позументным крестиком, носил он длинную палку с железным на нижнем конце острием, на верхнем же сделан был крест, обшитый шелковыми тряпичками, на которых развешаны были металлические и стеклянные образки.

В таком виде он свободно ходил по улицам, площадям, церквам и монастырям города, громко распевая духовные псалмы. Нередко случалось, что пением своим он нарушал порядок церковной службы и с желавшими воздержатъ его вступал в громогласный спор.

Обыкновенным местом пребывания его была монастырская галерея, в известные времена года битком набитая богомольцами из сел и деревень. Иногда он громко пел, а иногда молча молился Богу, делая размашистые

кресты с сильными ударами по голове, груди и плечам; земные поклоны его сопровождались сильным стуканьем лба о пол. Около него группировались толпы любопытных, богомольцев и наделяли его милостынею, приговаривая: «Помяни за упокой или за здравие такого-то»; Феодор молча брал деньги и громко творил поминовение.

По окончании церковной службы, когда весь народ скопился около монастыря, он становился среди монастырской площади, оставлял одну руку с жезлом для целования креста в тряпицах, где, по его словам, защиты были частицы мощей, а другую протягивал для сбора денег. Каждый богомolec подходил, прикладывался к образам на палке и давал копейку.

Бесперывный перечень душ, которые он обязывался поминать, надоедал ему, и вот, едва крестьянин или крестьянка откроет рот и успеет вымолвить: «Помяни», – пустосвят прерывал начатую фразу лаконическим возгласом и киваньем головы: «Знаю! знаю, кого!..» Удивленные богомольцы благоговейно крестятся и шепчутся между собой: «Вот уж

подлинно-то святая душенька! ты только рот
разинешь, а уж он и знает, кого нужно помя-
нуть...» Этот пустосвят прежде долго морочил
жителей Воронежа, но какая-то история
скверного свойства открыла там глаза ослеп-
ленных.

XIII

Мандрыга-угадчик. – Дуня Тамбовская. – Агаша. – Марфа-затворница и Маша-пещерница

В 60-х годах в Москве проживал человек неизвестной национальности, по внешности персиянин или еврей сухощавый, небольшого роста, черноволосый, с небольшими черными глазами. Популярность его была значительна, он в короткое время успел нажить домик за Донским монастырем, у ворот которого с утра до вечера стояли экипажи. Мандрыга занимался гаданьем, давал назидательные поучения житейской мудрости, у него в комнате стоял аналой, на котором лежала Священная книга; в праздники происходило служение, которое отправлял сам пустосвят в фантастической одежде; множество его поклонниц ловили каждое сказанное им слово и крестились усиленно.

Дерзость этого пустосвята в одно время дошла до геркулесовых столбов, и он за кощун-

ство был сослан в Соловецкий монастырь, где в начале восьмидесятых годов и умер, находясь на покаянии.

В ряду пустосвятов, подвизавшихся на поприще юродства и блажи, известна была в шестидесятых годах в Москве проживавшая где-то на Таганке Евдокия Тамбовская, женщина лет пятидесяти, сухая, бледная, вечно босая, в черном коленкоровом платье, повязанная черным платком. Она останавливала проходящих на улице со словами: «Миленький братец (или миленькая сестрица), благословите на копеечку!» Если миленький братец или миленькая сестрица подавали просимую копеечку, то подавшего она начинала крестить и целовать, а если ей не давали, то она стращала «жупелом огненным» и всякими геенскими муками; придя же к кому-нибудь в дом, она садилась на пол и рассказывала о разных явлениях и видениях.

В разговорах она была не прочь попросить и водочки. Если же при этом кто-либо замечал, что водку ей пить не подобает, то на это она отвечала:

– Водку-то? Водку-то можно пить, поелику

мы люди такие: водку просим – воду пьем, воду просим – водку пьем!

В жизни среднего купечества, где нет разумно выработанных отношений, где нет общества в полном значении этого слова, где жизнь идет по издавна пробитой глухой колее, в быту, в котором к разумному все безучастно, такие разговоры находят полное сочувствие, и тянутся они долгими часами, благо затянуло жиром уши православных, чуткие только к подобным разговорам и колокольному звону. Весь их идеальный мир нейдет дальше, как к белорыбице, к здоровеннейшему кучеру, да к какой-нибудь псевдоюродивой или пустосвяту, или гадалею.

Другая такая старуха, с бледным лицом, в заячьей шубке и повязанная белым платком, по прозванию Агаша, тоже собирала вокруг себя большие толпы купчих и разных праздных барынь, сперва в Алексеевский монастырь, где она проживала, а потом, когда его упразднили, в Вознесенский монастырь.

И ходила, бывало, эта старушка по церкви, расставляя свечки перед образами и приговаривая: «Это тебе, Иванушка! Это тебе, Никола-

ша, одна от меня, а другая от рабы Божией Марьи».

А раба Божия Марья слышит это и начинает усиленно молиться, креститься да кланяться.

Не менее была известна в Хотькове другая такая пустосвятка, по прозванию «Марфа Герасимовна Затворница». По рассказам, она пребывала в закупоривании чуть ли не 30 лет и выходила на свет Божий только в экстренных случаях. Каждый такой выход принимался за предзнаменование какого-нибудь большого несчастья, возбуждал говор и наводил на всех ужас; начинали являться разные видения и слышаться разные глаголы...

– Гляди, – говорили кумушки – Мать Марфа Герасимовна вышла... быть беде... быть беде... – И неслось это слово повсюду, и слышали, как звонил в полночь колокол на колокольне; другая видела самого домового или ведьму, как она прилетала на метле. В воздухе даже пахло гарью, грудные дети по ночам вздрагивали в страхе, – даже кухонные коты и кошки жались сиротливо к печкам и всех пугались.

Но Марфа Герасимовна входила снова в затвор и начинала опять плести кружева, изредка высовываясь из своего могилица в окошко, изрекая оттуда кару или спасение, смотря как ей вздумается. И снова толпы купчих и разных барынь теснятся у ее окошечка, ожидая милости, как манны небесной.

К ней по большей части приезжали купчихи попросить благословения на брак дочери и получить знамение, т. е. кружева. Даст кружев – целуют и прячут, не дала – плачут: это великое несчастье. Окружающие расспрашивают, какой кусочек дала – короткий, широкий или узкий, – и, смотря по ответу, делают приличные предзнаменования.

И каких примеров не наблюдается в купеческом быту при отдаче невесты, и откуда эти суеверия? За неделю до свадьбы бедную невесту совсем замытарят по гадалкам – дня три до брака она говеет, просфора да святая вода. Сколько боязни, сколько забот о будущем счастье – и все-таки мирное, тихое, светлое семейное счастье так редко в купеческом быту.

Деньги, которые давали Марфе Герасимовне, она копила, тщательно их пряча. После

смерти нашли у нее целые кучи серебряных и медных монет и бумажек, успевших совсем превратиться в прах.

В двенадцати верстах от Москвы, в селе Бусине, жила Маша-пещерокопательница. Подвигами юродства последняя начала заниматься с пятнадцати лет. Народная молва пронесла про нее, что когда она роет пещеру, в то время все кругом нее освещается необыкновенным светом, а роет она по особенному, бывшему ей гласу, что она тут должна вырыть икону.

Все шли и ехали, чтобы посмотреть Машу; пещера, где она жила, была не что иное, как глубокая яма, на стене которой висела икона с горевшей лампадой; на полулежала ветхая одежда труженицы, а она сама, с заступом в руках, босиком, в одной рубашке и с распущенными волосами, распевала звонким голосом духовные песни.

Приходившие опускали ей в яму деньги, калачи, сайки, а взамен из ямы брали песок и щепочки. Слава о ней быстро росла и привлекала толпы народа.

Вскоре в это дело вмешалась полиция. Ма-

шу взяли и отвезли в Москву, где она на допросе показала, что была научена это делать корыстными родными.

Маша была отдана на покаяние в один из женских монастырей и под конец жила в селе Свиблове, на суконной фабрике Кожевникова, в суконщицах.

XIV

Марья Ив. Скачкова. – Татьяна босая

В одной из московских богаделен лет пятьдесят назад жила богаделенка из купеческого рода Скачковых, Марья Ивановна. Старуха страдала всеми физическими недостатками; была хрома, глуха и кривонога, в богадельне она жила с лишком уже сорок лет,[17] как вдруг стала всем рассказывать, что ей привиделось во сне и даже слышался ей голос, говоривший ей «Марья, благословляй воду на исцеление других!» Видение это повторялось несколько раз.

Но вот однажды приходит в богадельню какой-то мужик и спрашивает Марью Ивановну: ему снился сон, чтобы он шел в Москву, в такую-то богаделенку, и попросил ее, чтобы она благословила воду для исцеления его жены.

Скачкова исполнила просьбу мужичка. Спустя несколько дней после этого приходила в богадельню барыня, отыскивая Скачкову,

тоже по сонному видению, для благословения воды.

Слава Марьи Ивановны росла, к ней съезжались московские барыни и купчихи; наконец она вылечила одного откупщика. Последний взял ее из богадельни, поместил в Мещанской улице, в богатой квартире; у ней был повар, карета и пара лошадей, на которых она разъезжала по монастырям. С этих пор Марья Ивановна приобрела славу великой целительницы и в подмогу к себе взяла бедную дворянку, для которой впоследствии купила дом. Благодарный откупщик с этих пор не знал, как угодить Марье Ивановне, и всякую ее прихоть исполнял. Раз, уезжая в Петербург, он испрашивал у нее благословения и при этом спросил, какого бы гостинца привезти ей.

– Привези мне, – говорит Марья Ивановна, – орган, который бы играл обедню.

Как ни трудно было отыскать такой орган, который бы играл обедню, но откупщик отыскал такой.

Не один откупщик дарил Марью Ивановну. Отовсюду ей везли и несли, что ей только

хотелось – и чего у ней не было! И табакерки с музыкой и с поющими птичками, и шитые ковры, и священные книги, дорогие подушки и всякие лакомства.

Особенно боготворил ее один генерал, занимавший очень видное место. По словам неизвестного биографа Скачковой, он, бывало, придет, соберутся еще двое-трое важных стариков, ее усердных поклонников, запрягутся все они в колясочку на рессорах и катают Марью Ивановну по саду.

Марья Ивановна со всеми своими знакомыми общалась свысока и даже весьма грубо, что еще выше поднимало ее в общем мнении. Всех она без различия звания и пола называла одними именами: Иван, Петр, Степан, Катерина, Анна, Александра и т. д.

В ее гостиной решались разные общественные и домашние дела; тут восстанавливался мир между мужем и женою, отцом и сыном и т. д. Очень понятно, что примиренные несли ей дары. Через нее получались выгодные места. «Иван, дай место Петру», – говорила она, и место давалось беспрекословно. Или: «Григорий, определи такого-то», – и та-

кого-то определяли. В доме ее писались и подписывались духовные, о которых в другом месте и заговаривать не смели. У ней также заключались браки, и все новости столицы были ей известны. Ходила Марья Ивановна вся в черном, волосы стригла по-мужски и голову иногда покрывала шапочкой. С собой она была худощава, мала ростом, имела пронизательные глаза и резкий голос. При ее выездах огромные лакеи брали ее на руки и несли в карету и из кареты.

В последний год ее жизни ее звали переехать в Петербург, где приискали ей богатую квартиру; после больших просьб она выехала из Москвы, но на дороге захворала и в Торжке скончалась; похоронена она была с большим парадом. Все богатство она завещала своей компаньонке Катерине, которая впоследствии поступила в монастырь, где и умерла в постриге.

В сороковых годах на московских улицах была известна молодая девушка, недурная собой, стройная, с распущенными волосами и босая, покрытая черным платком. Юродивая девушка эта сначала называлась Татьяной, а

потом Татьяной Степановной Босоножкой.

Родом она была из купеческого семейства; после родных осталась сиротой и жила в одном дворянском доме, где получила образование. После одного неудачного любовного похождения она покинула дом своих воспитателей, познакомилась с ханжами и сама начала ханжить и юродствовать. Жила она с сестрами на Плющихе в своем доме, где отчитывала порченных и больных; потом распустила слух, что явилась у ней в доме чудотворная икона, и толпы народа осаждали ее с утра и до ночи.

Она продавала свечи, пузырьки с деревянным маслом, вату и т. д.

О себе она рассказывала, будто в сновидениях ей бывают разные гласы и явления. Старухи-ханжи, старые девы и несчастные молодые девушки, которые по ее советам отказывались выходить замуж, жили у ней с утра и до ночи, а иные и ночевали. Эти постоянные собрания у босоножки, недоказанные чудеса и разные неблагоприятные сцены, бывавшие тайно по ночам, обратили на нее внимание полиции; икона была взята в один монастырь, а босоножке было приказано прекра-

тить сборища.

После этого Босоножка все собиралась выйти замуж, но не вышла; затем занималась сватовством. Дом ее постоянно был наполнен неувядаемыми вдовицами с моськами и болонками на руках; разные отставные усачи и другие выхоленные джентльмены искали у ней протекции и занятий. Ее жилые комнаты носили какой-то специфический запах; свежего человека, как только войдет, так и обдал запах белил, румян, пудры и тому подобных снадобий. Босоножка вскоре уже стесняться не стала и открыто стала заниматься прибыльной профессией известной «мадамы».

XV

Голубица

В ряду известных таких женщин-пустосвяток, пройдох и ханжей сияла, как алмаз, в Москве и Петербурге в пятидесятых годах толстая и красивая баба лет сорока пяти, с лицом белым и беззаботным. Называлась она Ольга Макарьевна или просто Макарьевна; величала, впрочем, себя она «вдовицей», «странницей», «птицей небесной», «голубицей» и «оливанной». Старые петербургские гостинодворцы еще должны помнить, как она бродила по лавкам, в черном суконном подряснике с широкими рукавами, подпоясанная большим ременным поясом, на голове у ней красовалась черная остроконечная бархатная скуфья, но нередко хаживала она и повязанная красным фуляровым платком с распущенными по плечам волосами. В руках у ней была огромная палка, которую она называла «жезлом иерусалимским»; в руках же она по большей части держала пучок восковых свечей; на шее надеты были четки с

большим крестом, а иногда и несколько образов, писанных на финифти и вытесненных на единороге иерусалимской работы.

Всех встречных Голубица благословляла и давала им целовать свои руки. Говорила она всегда иносказательно, о себе же простодушным купчихам болтала всякую ложь, только в самых выпретенных и велеречивых словах: – Вам, друг мой милый, – говорила она какой-нибудь купеческой благодушной слепоте, – жена я была боярская, ездила в карете драгой и устроенной муссиею и серебром, и имела аргамаки и кони многи с гремичими чепьями. Лепота лица моего сияла, яко древле во Израиле вдовы Юдифи или древней Деворы или Эсфири, жены царя Артаксеркса. Но раз в нощи бысть мне видение и клич неподобный: «Жено, почто очи твои на нищих и убогих не взирают?» И, восстав от сна и памятуя эти слова, пала я ниц, прося отпуска грехов своих. Персты же рук моих возношаще на чело, на пуп и на обе раме. Из очей моих слезы яко бисерие драгое, исхождаху, а из глубины сердца бысть вопль велий – воздыхания же терзаху утробу, яко облацы воздух возму-

цаху. И с того часу ноzi мои дивно ступание возымели по темницам, по весям и распутиям, нося милостыню от дома своего, нося деньги к ризы и другая потребная – овому рубль, а инде десять, а иному и сотенный билет. Ближние же моя меня, яко зверие дикие, за это терзаху сердце и плоть рваху...

Заканчивала она свои разглагольствования по большей части разными выпрашиваньями, начинавшимися такими словами: «Я и тебе, свету моему, о своих бедах и напастях возвещу».

Родом Макарьевна была московская мещанка. Под конец своей жизни она уже не выезжала из Москвы и жила между купчихами Таганки и Замоскворечья, где пользовалась большим уважением и почетом, и считалась необходимою принадлежностью на всех поминках, похоронах, свадьбах, при отпуске невест под венец; помимо ее, никто не смел подвязать в мешочках, в которые кладут четверговую соль, кусочек хлеба, уголек, иголку, булавку, маковую головку, ладанку, плакун-траву, корень Петров-крест.

На поминках и на похоронах она играла

тоже роль утешительницы: надевала на плачущих четки, крест с себя, говорила разные подходящие тексты и т. д., садилась за столом между духовенством, толковала о рае и аде и проч.

На девешниках она благословляла сундуки, куда будут класть приданое, клала кусочек хлеба с солью, в каждый угол по серебряному пяточку, подвязывала невесте известный карман с мячкинским[18] снадобьем, в состав которого вместе с названными выше вещами входила еще богоявленская свеча, и другая свеча от иконы Гурия, Самона и Авива, деревянная палочка с двенадцатью зарубками, розовая шелковинка и какое-то заклинание от порчи.

Терла она также купчих в банях, пользуя от разных недугов, пользовала и от бесплодия какой-то косточкой.

Особенно молодые вдовы и молодые жены, а также и молодые мужья любили посещать ее квартиру.

Круг действий Макарьевны не ограничивался одной Москвой, она посещала Нижегородскую, Коренную и другие ярмарки.

Некоторое время она держала при себе девушку, одним выдавая ее за дочь, другим – за воспитанницу. Девушку эту под конец она выдала замуж за консисторского чиновника, дав за ней приданого тысяч десять.

Жила Макарьевна подчас очень весело, и вечерком нередко можно было встретить ее катающейся на извозчике-лихаче, красивом и румяном. По смерти у ней осталось более семидесяти тысяч капитала, который и получила ее воспитанница или дочь.

XVI

Батюшка Шамшин и мещанин Кочуев

В самое недавнее время в Петербурге славились своими пророчествами помещанный Шамшин; содержался он сперва на Удельной, затем был переведен в больницу Николая Чудотворца, где и умер. По словам Петербургской газеты», на четвертый день его приезда в Петербург уже стали притекать «верующие» в него. Управление больницы однако твердо охраняло покой больного Шамшина от «вопросителей», но жар веры притекающих от этого не унимался.

В церкви больницы, как говорит «Газета», шла ежедневная служба, и желающие видеть батюшку Шамшина приходили в церковь с надеждою его там встретить. Но это было напрасно: Шамшин к церковной службе не ходил. Сильно верующие в него принимали другие меры и делали энергичные опыты.

В Страстной понедельник два купца одушевились так, что даже явились в контору

больницы с настоятельным требованием, чтобы Шамшин был им «выдан», так как он будто бы вовсе не помешан, а находится в полном рассудке, и «отец Иоанн благословил им его вынуть».

Требование было так настойчиво, что главный доктор вынужден был приказать вывести этих благословенных людей вон, что, разумеется, и было исполнено, но благословенные, по удалении из конторы, перешли в церковь и здесь тоже не имели успеха. Вместо Шамшина они случайно насладились несколько религиозною беседою Эвенского, имеющего величественную манию о своих будто бы непосредственных соотношениях с Богом. Больной же Шамшин помещался в одной из общих палат во втором отделении. Он был совершенно тих и не говорил ни с кем ни одного слова. Весь день он сидел на своей кровати или вставал и молча, в одиночестве прохаживался тихими шагами по коридору. Он был светлый блондин, лет за сорок на вид, с приятным чистым золотистым отливом в цвете волос, стрижен по-русски «в скобку», борода русая, длинноватая и раздваивающая-

яся. Голубые глаза смотрели чрезвычайно кротко, со смешанным выражением доброты и грусти или даже, пожалуй, страдания. Смотрел он на говорящего с ним внимательно, но не уставляясь, а как подстреленная птица. Не отвечал никому ни на какие вопросы. В редких случаях прилагал руку к сердцу и тихо кланялся, как бы извиняясь или прося оставить его в покое. Кушал досыта, но без всякой жадности и ничего не просил. Спал он спокойно; руки у него были чистые, белые и красивой продолговатой формы, каких не бывает у людей, занимавшихся черными работами.

Писал он плохо, как пишут мелочные лавочники, но письменно отвечал на все вопросы коротко и очень вежливо. Вообще это была натура мягкая, и все движения его были тихие, и по-своему даже грациозные, симпатичные.

Молитв он за последнее время писать не хотел. Писал он карандашом, держа бумажку на колене. Написав один ответ и начиная писать другой, он всегда прежде зачеркивал в первом ответе последнее слово. Незадолго до смерти Шамшина его посетил один хорошо

знакомый нам литератор, который перед тем был опасно болен. Он попросил его написать что-нибудь на листке памятной книжки. Шамшин скоро взял карандаш и написал нечто очень подходящее, а именно: «Я не знаю, чево вам писать, вам написанного не перечитать. От болезни вас Господь спас», – последнюю фразу он подчеркнул, потом прижал руку с карандашом к сердцу и умоляющим взглядом просил, чтобы карандаш ему оставили, что и было исполнено с разрешения тут же бывшего доктора.

Помешательство Шамшина было самое тихое. На вопрос литератора – напишите мне что-нибудь в том роде, как другим делали, Шамшин дал ответ:

– Я давал тем, кто правды жаждал. Слепому подавал свет. А вам правда известна, вы не слепой.

По словам Н. Аристова,[19] в первой половине настоящего столетия в Симбирской губернии был особенно сильный урожай на юродивых, которые бродили большею частью с целью распространения раскольничьих знаний. Другие, впрочем, прикидывались бла-

женными, чтобы ради мнимой святости добывать безбедное существование без всякого труда и работы. Третьи наконец, действительно скорбные главой от природы, бродили по миру как нищие и лишние члены общества. Все они внушали населению суеверный страх и почтение; им приписывали разные необычайные силы духовные, особенно дар предвидения и предсказания будущего; каждое действие, жест, слово или мычание непременно старались считать не простым явлением, а знаком таинственного выражения глагола Божия, и это не одни простолюдины, но и помещики.

В двадцатых годах жил в Симбирске мещанин Кочуев, который считался Божьим человеком, хотя был раскольничьим начетчиком. Он служил приказчиком у макарьевского купца Олонцева, который послал его по делам в Астрахань. Недолго удалось ему пожить спокойно: за распространение раскола и за бесписьменность его хотела арестовать полиция, но он успел скрыться и поселился в Жигулевских горах; здесь он старался вести строгую отшельническую жизнь и прикинулся со-

вершенно молчальником. Такое появление пещерного затворника среди рыбаков поразило их, и последние, в знак любви и привязанности к нему, стали носить ему свежую рыбу; потом распространившаяся молва стала привлекать к нему массу пришельцев из раскольничьего мира. Наконец, слава о нем, как о святом муже, пошла далеко, и толпы уже осаждали его пещеру и самую воду родника, находившегося недалеко от его жилища, стали считать священной и пить для исцеления разных болезней. Наконец симбирские коноводы разбойников Валдышевы вывели его из Жигулевских гор, поместили в своем доме и окружили дольствием. Юродивый все выдерживал свою задачу молчальника при всех, исключая одной девицы, с которой завел любовную связь; их взаимные отношения были открыты, когда подслушали тайный разговор молчальника с девицей и поняли, что она беременна.

Тогда от неприятностей Кочуев убежал к иргизским старцам и потом поселился в Москве. Он собрал много рукописей и старых книг и впоследствии сделался видным чело-

веком между московскими раскольниками, утверждают, будто он первый подал мысль учредить старообрядческую иерархию и искать архиереев.

XVII

«Дядя домой»

Другой юродивый симбирский, Павел, происходил из города Алатыря, он известен был всюду под названием «дядя домой», потому что кроме этих слов, не говорил ничего, притворяясь немым. Он двадцати лет от роду скрылся из родительского дома и через два года явился в родном городе, но уже совершенно в другом виде. Летом и зимой ходил он босиком, носил легкое длинное, до пят, полукафтанье, которое не менял по году. Он был высокого роста и красивой наружности, распускал свои длинные волосы по плечам и никогда не покрывал головы, в руках он держал высокую палку, наверху которой навязаны были разноцветные ленты, и каждому встречному выкрикивал одно и то же: «Дядя домой!» Так он держал себя с лицами незнакомыми, а кто принимал его с усердием и кому он доверял, тех удостаивал своей тайной беседы. Когда давали ему серебряные деньги, он брал их, медные же бросал на землю. Сво-

им наружным благочестием Павел привлек к себе много людей, особенно барыни и купчихи были его поклонницами. В селе Стамасе «дядя домой» очень часто ходил в дом зажиточного крестьянина, у которого был сын Федор, парень лет 16-ти; этот юноша сильно привязался к юродивому и вскоре пропал из дома. Через год стамасские крестьяне увидели его в лесу, верст за двадцать от села, вместе с Павлом и другим юродивым-бродягою из города Алатыря, они сидели втроем на поляне, но, увидев людей, разбежались в разные стороны. Спустя несколько времени все они явились в село Стамас: Павел в своем подряснике, а Федор и алатырский беглец в одних длинных рубашках и босые. В разных домах этого села и соседнего они привлекли к себе многих молодых девушек, которые стали называться старицами, ходить в черном одеянии и обязывались не вступать в супружество. По вечерам молодые парни и юные старицы сходились в одну избу, где юродивые учили их читать, писать и петь. В собраниях участвовали только посвященные лица; не одни сельские девицы попадались к ним в ло-

вушку, но иногда и образованные девушки. В то время в городе Алатыре жила девица благородных и набожных родителей, только что окончившая курс в Смольнинском институте; в дом к ним заходил немой юродивый, молодой и красивый мужчина, лет двадцати пяти, ему подавали всякое угощение и наделяли деньгами. Однажды во время закуски юродивого институтка осталась с ним вдвоем в комнате и любовалась его выразительной физиономией, роскошными волосами и атлетической фигурой: вдруг немой юродивый обратился к ней с речью на отличном французском языке.

– Вот, по вашим святым, чистым и девственным молитвам, – сказал он, – Господь не только развязал мне язык, но и наделил разумом и даром разных глаголов.

Потом он стал говорить по-русски очень умно и красноречиво, но просил никому не сообщать об этой благодати.

От величайшего изумления институтка разинула рот и не могла вымолвить слова, точно сама превратилась в немую юродивую, так поразило ее неожиданное чудное явление.

После этого чаще и чаще навещал институтку загадочный молодой человек, говорил с ней один на один по-французски о возвышенных божественных предметах в мистическом направлении, а при других молчал.

Живые таинственные речи о любви Христовой, об олицетворении между людьми Царства Божия на земле и о пребывании Святого Духа внутри человека воспламенили молодую девушку до того, что она стала разделять с мнимым юродивым любовь земную.

Эта связь тянулась недолго: немого юродивого арестовали за распространение секты «людей божиих» и за побег от симбирского помещика из Парижа, где он служил более пяти лет помощником повара. Такое неожиданное открытие для гордой и нервной барышни оказалось гибельным, и она отравилась, может быть, еще и потому, что чувствовала плод чрева своего. Этот рассказ господин Аристов слышал от алатырского доктора В.В. Преображенского.

Этот Павел нередко заходил к архиепископу симбирскому Феодотию. Владыка не доверял ему и считал его юродство притворным.

Он убеждал его бросить юродство, но Павел на все вопросы отвечал только: «Дядя домой». Преосвященный предостерегал его: «Смотри, не улети домой по широкой дороге в Сибирь!»

Предсказания преосвященного оправдались: полиция заподозрила Павла в каких-то мошеннических делах и отыскала в глухом лесу, около озера, его келью с секретными подземными ходами. Говорят, когда полицейский пришел к запертой келье Павла, ведя его с собою, он сказал: «Дядя, домой! Получишь за это 500 рублей» Но тот отвечал, что теперь уже поздно, и нашел у него спрятанными в келье много денег и серебряной посуды и все отобрал. На следствии он чистосердечно покаялся во всех своих похождениях и дал подписку впредь не юродствовать.

XVIII

Андреюшка

В числе юродивых шарлатанов в Симбирске находились и настоящие юроды и дураки. В ряду таких был там юродивый Андреюшка, сын бедного мещанина Огородникова, лишенный с самого рождения всех даров природы: немой, не могший без движения стоять на одном месте, а, подобно маятнику, качавшийся из стороны в сторону, переминаясь беспрестанно и издавая какие-то звуки. Он ходил всегда в одной только длинной рубашке и босой даже в сильные жестокие морозы, и, бегая по снегу, он не обнаруживал никаких признаков ощущения стужи. Он любил пить только один чай; занятием его было целовать полы, стены, углы и вещи, которые ему попадались в руки или на глаза; голосом издавал он одни дикие членораздельные звуки; черный хлеб предпочитал белому и любил его есть намазанным медом. Не лишен он был органа слуха и на вопросы отвечал звуками, движением рук и головы. Он был весьма

неопрятен, но любил мыться в бане, вода должна была быть чуть теплая, и мыть его надобно было, начиная с головы до ног, если же чуть порядок нарушался, то никто его в бане не мог удержать, и он убегал нагой. Холодной воды он чрезвычайно боялся, и словами: «Подайте Андреюшке воды!» – обыкновенно выгоняли его из дома, где посещения его надоедали. Когда священник давал ему целовать крест при водосвятии, то он придерживал своей рукой кропило и мазал им все лицо... В церквах он бывал редко и то на минуту, всегда с полным равнодушием, и никто не видал чтобы он молился в ней когда; только часто он один толкался на паперти церковной с обычным ему выражением – подобие медведя, сосущего лапу.

Бегая по улицам, он подбирал лоскутки, щепочки и раздавал их встречным, даже кидал в экипажи – все эти действия считались пророческими предзнаменованиями. Он носил сумку, в которую ему клали подаяние, при этом он иногда оставался спокойным и молчал, а иногда выбрасывал подарки и монеты в сторону. Подаяние раздавал сам дру-

гим, кто ему взглянется, и без счету, сколько захватит, будто без цели и размышления, все это почитали каким-то особенным даром от него, и многие сберегали и деньги, и пустые вещи. Торговцы все наперерыв даром приглашали его брать из лавок, что ему угодно, но он по какому-то чутью у одного кого-нибудь возьмет какую-нибудь ничтожную вещь, а у другого ни по какому убеждению и значительной вещи не возьмет. Когда насильно давали ему что-нибудь, то он изорвет, если это какая-нибудь материя, или бросит с презрением в сторону, хотя бы вещь стоила и значительной цены. Если пьяные причиняли ему побои и оскорбления, то он с терпением и кротостью все переносил.

В годину бедствий, в 1812 году, когда набожность развилась во всех сословиях более обыкновенного и когда многие значительные особы симбирские ездили в Саровскую пустынь к затворнику Серафиму, последний отказывал в благословении богомольцам, отсылая их в Симбирск к юродивому Андрею.

Андреюшка прожил в Симбирске около семидесяти лет; перед его кончиной народ тол-

пами осаждал квартиру его, так что полиция вынуждена была для порядка приставить чиновника с командой. Кончина его взволновала не одних жителей города, но и окрестное население; стечение народа было чрезвычайное... По словам его биографа: «Откуда-то явился и возвысился великолепный гроб на серебряных ножках, обитый бархатом, показались два дорогие покрывала, открылось кругом гроба множество подсвечников с пылающими денно и нощно восковыми свечами. В богатый гроб его положили в том же облачении обыкновенном, в каком он всегда ходил, т. е. в одной рубашке и босого. Прочее все соответствовало особенной пышности, даже до самых мелочей, и все это сопровождалось усердием значительного дворянства и богатого купечества... Градской глава с обществом купцов просил у преосвященного Феодотия позволения положить его среди города, около Вознесенской церкви. Архиепископ, не постигая безотчетной народной признательности к умершему и убеждаясь народным голосом, как голосом Божиим, расположился принять покойного в место, огражденное при архи-

ерейском доме, что в Покровском монастыре, на конце города, где с незапамятных времен погребают знаменитые дворянские роды. Чтобы удовлетворить народному какому-то безусловному энтузиазму, он дозволил до погребения на сутки перенести гроб юродивого в Вознесенскую церковь, чтоб продолжить время усердствующему народу успеть проститься с таким замечательным покойником. Народ держал его четверо суток в хижине, а одни сутки в церкви; подобно обильной реке, беспрестанно притекал ко гробу и с особенным благоговением касался бранных останков умершего. Но в четверо суток духота и жар не имели влияния на тело умершего, и никакого не происходило запаха, а это в особенности поддерживало к нему народное признание и сопровождено весьма многими толпами. Только на лице, сначала белом, показались синие пятна, но это надобно отнести к жару и непрерывному прикосновению к его лицу... При выносе и при погребении юродивого тот только из жителей города оставался в своем доме, кому не было возможности сделать одного шага, даже закоренелые

раскольники разных сект решились присутствовать в церкви во время литургии и погребального чиноположения и тоже с благоговением проводили его гроб до места. Хоронил Андрея архимандрит, ректор семинарии, с городским и сельским духовенством; одних священников было до тридцати душ. Гроб несли с хоругвями и звоном на пространстве более версты, при ежеминутных переменах носильщиков: лучшее купечество и дворяне напереыв один у другого перенимали гроб, стараясь улучшить случай повторить это несколько раз, и оттого около гроба теснота и давка была невыносимая. Экипажей счесть нельзя. Из двух дорогих покровов чернь сильно домогалась один приобрести, чтобы разорвать его на куски в воспоминание покойного, но не допущена к тому полицией, без помощи коей могло бы случиться даже насилие».[20]

В числе других юродивых, пользовавшихся большею известностью в Симбирске, надо еще упомянуть об Илье Герасимове, помещице крестьянине села Арской слободы, сначала он был только болящим, потом прикинулся юродивым и стал пророчествовать; хо-

дил он в длинной рубахе и босой. Пользуясь уважением крестьян, он весьма удачно совращал их в поморское согласие.[21]

XIX

Фекла болящая. – Вера Матвеевна. – Старец Глеб. – Антон Воздержит. – Устинья-пророчица

В городе Петровске, Саратовской губернии, известна была Фекла болящая. Жила она, что называется, «и в людях, и на усторонье», одиноко на реке Медведице в своем домишке. Заболеет ли кто в городе, другое ли какое горе приключится кому-либо, сейчас к Фекле болящей. Слыла эта Фекла за богобоязненную женщину и была хорошо знакома с монахинями Кирсановского монастыря, которые всегда останавливались у Феклы во время поездок «за сбором». Разузнает она у монахинь те или другие сведения о богомольцах, да и воспользуется этими сведениями по-своему, на утешение всех приходящих к ней. От болезней она лечила одним секретом – «водицей», а сама все-таки оставалась болящею, да так и Богу душу отдала.

В Кирсановском уезде прославлялась

некая слепая и убогая Вера Матвеевна. Эта раба Божия жила не одиноко, а с какою-то другою старицею. Хижина Веры Матвеевны была в лесу, на реке Вороне. Злые языки говорили, что у Веры много приюта давалось рабам воровства, стяжания и других напастей, при посредстве которых она знала, где и когда что украдено; могла угадать, найдется ли украденное. Последнее обстоятельство всегда зависело от количества лепты, принесенной рабе Божьей. Если украденная вещь не стоила тех денег, какие приносились с просьбой «прозреть» грабителя, то указывалось место или случай, при котором вещь найдется, и затем украденное или подбрасывалось, или зарывалось в землю, а потом «прозорливая» давала указание, и таким образом пропажа «чудодейственно» возвращалась к хозяину или хозяйке. А как в критику дела никто не входил, то Вера Матвеевна упорно слыла «прозорливицею» и открытые воровства приписывались набожными людьми ее молитвам. Для монахинь Кирсановского монастыря у Веры Матвеевны был излюбленный приют, которым все сестры этой обители дорожили и

пользовались матвеевниным гостеприимством во время своих объездов «по сбору».

Вообще Кирсановский уезд богат был разными пустосвятами: так, здесь известен был подвижник Глеб Лаврентьевич, родом из крестьян; славился он, между прочим, своим строгим воздержанием. Но это только дома, т. к. Глеб Лаврентьевич занимался более путешествиями по Святым местам: в Киев, Воронеж, Москву и другие города. И ходил он всегда пешком, делая по 60–80 верст в сутки; потому воздержание его было крайне сомнительного свойства. К чести Глеба Лаврентьевича нельзя не отнести того обстоятельства, что во время своих путешествий, собирая милостыню, он сумел на собранные деньги выстроить в селе Панике, где он жил, великолепный храм, блестяще украсил его и снабдил богатою церковного утварью, как удалось ему это сделать – судить трудно.

Популярность его стала особенно заметною по поводу его предсказания своей смерти. В один прекрасный день раб Божий Глеб вдруг объявляет односельчанам, что ему нужно идти в город Ломов и там умереть. Отпра-

вился он в Ломов к местному городничему, где был всегда любезно принят и там действительно скончался. Глеб был торжественно похоронен при соборной церкви города Ломова.

В Саратове и Пензе знаменит также был некто Антон Григорьевич, из купеческого звания; известен он был как постник и человек, всею душою ненавидевший пьянство. Кофе и чаю он вообще не пил, табаку не курил и не нюхал и терпеть не мог табачников. В Саратове раз он заметил, что один из священнослужителей понюхал табаку в алтаре. Вскипела душа Антона Григорьевича, влетает он в алтарь и, несмотря на то, что слыл за человека богобоязненного, со всего размаху угостил нюхавшего табак двумя полновесными здоровыми оплеухами. Приведен он был за это происшествие в суд к местному Каиафе, а потом и к архиерею; но преосвященный постарался замять дело и отпустить раба Божия Антона безнаказанно, что было восторгом для последнего.

Жил Антон Григорьевич всегда окруженный массою нищих, калек вольных и неволь-

ных, слепых, глухих, хромых и прочей братии. Ради этой жизни купец бросил торговлю, дом и семейство.

Умирая, он завещал похоронить его непременно в белом шелковом халате, наподобие древних, чтимых церковью юродивых, что и исполнено было одним из петровских купцов господином Лысковцевым.

В Саратовской губернии известна была некая пророчица Устинья, пришедшая из земли Иркутской. Появившаяся пророчица творила чудеса в селе Каменке; жила она у одного старообрядца на огороде, принимала же учеников и предсказывала в моленной.

Пророчица являлась одетая вся в белом, подпоясанная розовою шелковою лентою и с распущенными волосами. Предсказывала она за столом с курящеюся ладаницею.

Говорила она больше следующие слова: «Приходят, людие, последнее время, небо и земля потрясется, чистые звезды на землю скатятся; сойдет Михаил Архангел и затрубит в трубу живогласную; вставайте все живые и мертвые на суд к Богу. По правой сторонушке идут души праведные – в лицах все светле-

ют, волосы яко ковыль-трава, ризы на них нетленные. Идут они на суд к Богу, радуются. Встречает их владычица мать-Богородица; подите, мои христоролюбивые избранные, да похаянные, посрамленные, вот вам царство уготованное. Принимает их сам Господь, Царь Небесный. По левой сторонушке идут души грешные, в лицах темнеют, одеяние страшное. Идут они на свою муку и слезно плачут: „Господи, царь небесный! Почто ты нас в царстве непустишь? Мы все люди, христиане“. Глаголет Господь, Царь Небесный: „Подите вы, грешные, проклятые, во три пропасти земли: вы не в мою веру веровали. Да провалятся все грешные в преисподнюю!“ Составит Господь все муки в одну, не взвидят грешные свету белого, не взвидят они солнца светлого, не вслышат они гласу ангельского. Во веки веков, аминь...» Но главное пророчица отгадывала воров и находила спрятанное, как говорило простонародье, «сокровенная человеческая» узнавала. И ходили к ней каждодневно бабы и мужики, спрашивая:

– Скажи мне, боголюбивая жена, кто у меня украл недавно холсты с огорода?

– Злые люди, – отвечала пророчица, – которые схоронили их на реке, у плотины, под хворостом, – сходи и обрящешь.

Или говорил мужичок: «Поведай мне, избранная Божья раба, кто увел у меня старого мерина или гнедую кобылу?».

– Завистники злые, – отвечала пророчица и указывала место, где кони привязаны. – Пойди и найдешь.

Понятно, народ верил сначала в чудеса, но потом частые покражи навлекли и на пророчицу подозрения, и в конце концов она была уличена полицией в соучастии в этих воровских проделках и уводах лошадей. И пророчица опять была сослана на место своей родины.

XX

Тамбовский Симеон. –

Солдат Ванюшка. –

Блаженный Егорушка. –

Пьяница Машка. – Иванушка-

дурачок и Иванушка

Рождественский

В городе Тамбове любил щегольнуть своей «ревностью по вере блаженнейший купец Симеон»; он тоже был «болящий». Зимой он не показывался – холодно, а летом обыкновенно ездил в своей кибитке, любил останавливаться посередине улицы и всегда собирал толпу зевак.

Симеон-болящий любил наставлять, как нужно жить по-христиански. Все наставления его обыкновенно начинались и кончались почти одною и тою же фразой «В нераскаявшихся грешниках нет ни веры в Бога, ни самого Бога!»

Как веровал сам болящий, неизвестно, но родные Симеона признавали его «блажен-

неньким» и содержали на свой счет, не позволяя ему собирать какую-либо лепту от добротных его слушателей.

Там же, в Тамбове, известен был «пророк», солдат Ванюшка Зимин. Он был сумасшедший и жил в доме умалишенных, но легковерующие тамбовцы веровали в него, как в пророка. Закричит Ванюшка ни с того, ни с сего: «Пожар! пожар!» – записывают тамбовцы день и час, когда кричал Ванюшка, и после окажется, что действительно, в записанное время где-нибудь в окрестностях Тамбова в самом деле был пожар. Вот и «прозорливость».

Говорил Ванюшка, как сумасшедший, всегда бессвязно, себе под нос, а тамбовцы ухитрялись понимать его слова по-своему и ломали голову: что бы это значило, что сказал Ванюшка?

Начнет Ванюшка кататься по земле – быть беде и покойнику, придумает Ванюшка поднимать что-то им воображаемое и делает телодвижения вроде тех, как бы перекидывает вещи через забор – смотри, что будет где-нибудь кража; взбредет в голову Ване лить во-

ду – значит, берегись: придется заливать пожар и т. д.

Замечателен был в Тихвине блаженный Егорушка. Это был высокого роста мужчина; ходил он всегда в разноцветных рясах, со священнической тростью в руке, в пуховых шляпах или с непокрытою головою, весь увешанный крестами, крестиками и образками на разноцветных лентах. Егорушка очень любил форснуть одеждою, которая обыкновенно носится у нас духовными особами. По умственному развитию Егорушка был простой и глупый человек. Говорить он ничего не говорил, а издавал только какие-то членораздельные звуки, но не был совсем лишен дара слова, выучился самой скверной брани и ругался охотно и отчетливо.

В церкви во время Богослужения Егорушка бродил среди богомольцев, заглядывал в лица молящихся, а сам никогда не молился, даже ни разу не осенял себя крестным знамением, не говоря уже о поклонах.

Несмотря на такое поведение в храмах, Егорушка слыл в Тихвине блаженным. Большинство тихвинцев и множество набожных

людей, приезжавших в Тихвин на поклонение местной святыне, считали долгом хотя посмотреть только на Егорушку; если удавалось при этом повесить на блаженного какой-либо крестик, паломник тихвинской святыни уезжал домой вполне счастливый, с сознанием, что он удостоился зреть святого мужа и «воздел на него жертвицу».

Жил Егорушка постоянно у одного из тихвинских купцов, известного в местном простонародье под именем Мины. Купец этот хорошо торговал, и люди объясняли его удачу в торговле тою благодатью, которую ниспосылал Егорушка Мине своими молитвами, хотя Егорушка никогда никаких молитв не знал; на самом деле хорошая торговля Мины зависела от примерной добросовестности этого купца.

Живя в названном доме в особой комнате, уставленной киотами и образами и освещенной лампадами, Егорушка любил облачаться в священнические ризы, брал имевшееся в доме кадило и начинал служить, причем вместо молитвенных слов издавал одни крики. Отслужив и накалившись вдоволь, Егорушка

разоблачался и отправлялся путешествовать по улицам Тихвина. Он выбирал для прогулок сухие улицы и по грязи не любил шлепать, хотя ходил непременно посередине дороги. Идет Егорушка и поет, или, лучше сказать, воет ему одному ведомо что, а тихвинцы повысунут любопытные головы в окна и форточки и смотрят, любуются, слушают и изъясняют то, что поет.

Надоест Егорушке мычать, он начнет ругаться отборною бранью, отчетливо, отчеканивая каждое слово, причем берет, что попадет под руку – кирпич, камень – и начинает бросать камнями за забор или в огород какого-нибудь мирного гражданина.

– Ума не приложу, с чего это Егорушка начал ныне бросаться камнями и ругаться, да ведь какими еще площадными словами, – говорили суеверные тихвинцы, глядя на такое поведение юрода.

– Быть какой ни на есть беде, – отвечали на это такие же другие суеверы.

Иногда Егорушка исчезал из Тихвина и ходил по окрестным монастырям и селам. Люди, признавшие его за блаженного, говорили,

что Егорушка молится в лесу, вдали от мира, за грехи людские, на самом же деле за молитвой никто никогда не видал Егорушку. Вполне обеспеченный в жизни вышеназванным купцом, Егорушка никогда не брал подаяний, хотя охотники жертвовать в его карман всегда нашлись бы. Будь это не идиот, а юродствующий проходимец, Егорушка воспользовался бы богатыми приношениями, но этот блаженный, если и получал когда-либо деньги, то или разбрасывал их тут же по улице, или рвал на мелкие куски, если это были кредитные билеты.

Ублажавшие Егорушку тихвинцы ухитрились придавать и этому бесцельному уничтожению денег значение каких-то пророчесственных действий, прощать и извинять которые можно было, только понимая Егорушку как неразумного ребенка, оставшегося неразумным и до старости лет.

Когда Егорушка умер, то погребен был с большим почетом в местном мужском монастыре.

В том же Тихвине слыла за юродивую какая-то отвратительная грязная женщина, хо-

дившая всегда в лохмотьях, часто босая и вечно с кошельем, в который клала и куски хлеба, подаваемые ей суеверами, и тряпки, найденные на улице, и щепки с камнями, поднятые на дороге, и т. д. В тот же кошель клала она и деньги. Простой народ, мужики звали эту идиотку Машкой, потому что видели в ней часто пьяную глупую бабу, но женщины благоволили к этой глупой бабе. Ругаться площадными словами Машка умела тоже отчетливо, но женщины уверяли, что она не умеет ругаться, а мычит только. При виде полиции Машка стихала.

Был в Тихвине также еще блаженный Иванушка-дурачок, родом бывший причетник, спившийся с круга. Ходил Иванушка часто босой, с тяжеловесной железной палицей, вроде лома, в руках, в монашеской скуфейке, которая была сделана из железного листа, одевался Иванушка в подрясник. Этот человек заслужил репутацию блаженного и юродивого, между прочим, потому, что ни с кем никогда не говорил ни слова. Если же кто начинал насмехаться над ним, то он убегал или в сторону, или за самим насмешником, смотря по ви-

ду человека смеющегося, или же произносил какой-либо текст из Нового Завета.

Подаяния Иванушка очень любил, но никогда о них не просил и брал даваемое ему молча. Подпоясанный кушаком, Иванушка всегда за пазухой носил кучу разных разностей. Судя по вздутому красному носу этого блаженного, иные предполагали, что он очень любил тоже полштоф водки, который, вероятно, и имел место у него за пазухой.

Полицию этот Иванушка не совсем-то любил и ходил всегда по таким местам и улицам, где рассчитывал полиции не встретить.

Суеверными тихвинцами Иванушка очень уважался и встреча с ним считалась за счастье.

В Вологде были известны два юродивых: Алеша и петропавловский дьякон – оба они отличались строгою подвижничествою жизнью, последний – даром прозорливости.

В селе Рождествене Царскосельского уезда, в бывшей вотчине царевича Алексея Петровича, с 1799-го по 1835 год проживал у мещанки Русаковой юродивый Иванушка. Росту он был среднего, лицо имел смуглое, волосы и

брови черные, тело всегда грязное. Зимой ходил он в одной рубашке, без шапки, босой, заложив руки за спину; ел, что ему давали; спал на печке, хотя бы даже горячей, зимой и летом; милостыни не собирал; деньги, которые ему давали, опускал в часовенный ящик. Когда по случаю болезни ноги он пролежал, не собирая денег, то в часовенном ящике было денег на 60 руб. меньше. Опуская деньги в ящик, он говорил. «Спасибо, ступай домой». И спустив деньги, бежал домой, крича: «Спасибо! Бог дал». К церкви он был усерден, по словам местного духовенства, но к службе ходил не всегда; крестился всем кулаком; сильно бил лбом о пол; если хвалил службу, то говорил: «Спасибо, поп! страх». Покойников провожал до могилы, к священникам был почти-телен.

Он много предсказывал: так, в 1831 году сиворицкому священнику Евтихию Литвину предсказал смерть: одной крестьянке предсказал скоропостижную смерть ее мужа, жившего в Гатчине; князю Гагарину, командиру квартировавшего здесь кирасирского эскадрона, предсказал, в 1832 году, пожар гумна, в

котором стояло несколько лошадей; в 1836 году, за год до смерти, предсказан пожар села Рождествена; во время польского мятежа в 1831 году, провожая ехавшего через село императора Николая, бросал вслед его щебенку и кричал: «Ах, спасибо! Бог даст», – предсказывая этим прекращение мятежа, как это объяснило местное духовенство. Свою хозяйку Иванушка отвратил от раскола. Стащив ее с печки и поставив в передний угол, пред иконой, он сказал: «Бабка, молись Богу, Бог в церкви, Бог даст». Одной лужской помещице предсказал выздоровление больной ее дочери, за что дочь сшила ему рубашку; графу Ростопчину, ехавшему в Киев с больной дочерью, не владевшею ногами, Иванушка предсказал выздоровление, за что Ростопчины подарили ему белую камилавку, обшитую золотым газом, привезенную из Киева от Иоанна Многострадального. В этой камилавке Иванушку и похоронили.

Пред смертью Иванушка страдал болезнью ноги, приключившейся от попавшего ему в ногу стекла. Стекло вытащили, и при этом он сказал пожалевшей его хозяйке: «Спасибо,

бабка, пора домой!»

На погребение его собрался народ во множестве. Над его могилой впоследствии был поставлен «голубец» вроде домика с крестом наверху.

XXI

Кузька-бог

В Нижегородской губернии, между Нижним Новгородом и Арзамасом, где обитает племя мордва-терюхане, в начале нынешнего столетия жил замечательнейший пустосвят, лже-пророк Кузька-бог или Кузя-бог.[22] Память о нем посейчас жива в местном крае, хотя сказания уже приняли легендарный характер. Мордва-терюхане произносят имя его с благоговением, несмотря на то, что все они почти обрусели.

Кузька проживал в мордовской деревне Макраше и слыл между сельчанами за великого знахаря и кудесника. Кузьма представлял собою явление довольно небывалое в мордовском народе: он был грамотный, обыкновенное его занятие было – лечить людей и скот, отыскивать покраденные вещи, открывать воров, выгонять нагайкой шайтанов из кликуш-морденок, а иногда и из русских баб, предугадывать будущее и делать другие фокусы.

Кузька все свои действия облакал видом непосредственного содействия небесных сил. Нагайка, которою он выгонял чертей из бешеных баб, хранилась у него в почетном месте, в особом ящике, вместе с медными образками по тайному разглашению мордовского знахаря, эта нагайка была та самая, которою Михаил Архангел согнал с небес нечистую силу в преисподнюю бездну.

При таких условиях вскоре распространилась молва между мордвами русскими, что Кузя – святой, пророк, чудотворец и «человек боговой», и что к Кузе по ночам летают ангелы и т. д.

Хитрый и ловкий мордвин в короткое время завоевал себе эту славу, и просторная его келья с утра до вечера была наполнена приходящими мордвинами и русскими. Видом Кузька был довольно высок ростом, черноват, с густой, окладистой и широкой бородой; чрезвычайно рябое и некрасивое лицо его было какого-то сурового очертания; осанка важная, глаза мелкие, лукавые, умные, взгляд тяжелый, притом повелительный; речь его была грубоватая, резкая и таинственная; во всей

его физиономии проглядывало что-то злое-щее.

Волос он не стриг и носил с прямым пробором на лбу, закидывая их за уши, подобно лицам духовного звания, одевался опрятно, в темный кафтан, похожий на причетнический подрясник, подпоясанный широким кожаным ремнем. В Кузьке понятие о грамотности успел возбудить друг его отца, один богатый раскольник из секты «душителей», у которого даровитый мальчик долго жил и успел перенять в полном совершенстве искусство лицемерить и морочить людей и пользоваться верой для корыстных целей.

Кузька в доме этого раскольника был часто свидетелем религиозных обрядов «душителей», при которых сам учитель изображал Христа, несколько мужиков были апостолами, несколько баб представляли Богородицу, жен-мироносиц, и эта секта имела девизом: «Не согреша, не умолишь»; в ней также практиковалось душение самовольных мучеников, и после каждого общественного моления допускался свальный грех.

Поселившись в деревне, Кузька сделался

религиозным шарлатаном и обманщиком вследствие следующих причин. Часто бывая в Нижнем по торговым делам, он останавливался в одном постоялом дворе, где в одной из комнат проживал пьянчужка приказный вместе с хорошенькой женой. Несмотря на свою степенную и некрасивую наружность, Кузька был очень влюбчив. Эта несчастная страсть развилась в нем во время воспитания в распутной раскольнической секте и не покидала во всю жизнь, которая вся и была непрерывною историею заблуждений этого рода.

Вместо того чтобы ездить с товаром в Арзамас, Лысково или Казань, Кузька стал ездить в Нижний и вместо того, чтобы кончить дело в сутки, затягивал их на неделю и больше. Здесь он, невзирая на свою мощную душу, познакомился с едкою сердечною тоскою и с изнурительными бессонными ночами. Несколько слов, сказанных шепотом, вскружили ему голову и распалили страстное его сердце, и он влез в расставленные для него сети.

Однажды, когда пьяный подьячий спал мертвецки, красавица-жена шепнула ему,

чтоб он ночью постучался к ней в дверь. Кузька с замиранием сердца исполнил это, и в тепленькой горенке с занавешенным окном и с двуспальной кроватью в углу Кузька извещал наслаждение любить и быть любимым вполне. Но когда он, на утро, очнулся от сна, то не нашел ни своей кисты, ни денег. За наслаждение быть любимым бескорыстно он поплатился всем своим состоянием. Кузьку хотя и прошиб холодный пот и была лихорадка, но он, призвав на помощь все присутствие своего крепкого духа, ободрился и затаил убийственную скорбь в глубине своего сердца.

Потеряв все состояние так глупо, в одну ночь, он должен был начать трудовую жизнь без денег. Но это бедствие не осилило его, а только заставило переменить образ жизни.

В жизни своего наставника-раскольника, который богател, лежа на печи, он видел единственный теперь идеал своей жизни. И вот, приехав домой, Кузька притворился больным на несколько дней. Во время болезни к нему неоднократно являлся во сне Христосик с ангелами и накрепко ему наказывал

немедленно оставить торговлю, деньги раздать нищей братии, самому отойти в келью на уединение и молитву. Выздоровев от небывалой болезни, он, собрав некоторые долги, ушел в святые места на богомолье, чтобы расточить небывалое богатство на монастыри и нищую братию. Вернулся Кузька домой уже в черной ермолке, в монашеском подряснике и подпоясанный широким ремнем.

Первою его заботою по возвращении домой было построить келью, в которую он вскоре и удалился от всех сует мира. Здесь он расположился следующим образом: на столе его постоянно лежала раскрытая большая книга «Староверский псалтырь». Каждую ночь перед иконами в его келье горела неугасимая свеча, и при занавешенных внутри волоковых окнах казалось извне, будто он все ночи простаивает на молитве.

Между тем мнимый богомолец, забившись ночью со свечой в подполье, делал там опыты над бумажными вырезками, изображающими светозарных ангелов и с помощью долгих опытов довел это искусство до такого совершенства, что трудно было издали различить

изображение от живого существа.

И потекли к Кузьке-отшельнику легковерные набожные старухи-мордовки, потом и русские. Но к Кузьке влекли людей не одни религиозные нужды: он был и лекарем всевозможных болезней, и советником в мирских делах, и прорицателем будущего, и открывателем сокровенного, и всем для всех.

Когда Кузька был уже провозглашен богом, то каждую ночь стали навещать его в келье ангелы с разными наказаниями от Христосика. Кузька-бог угощал летающих к нему ангелов сыченым пивом, медовым квасом, зеленым вином, лучшей мордовской стряпней, до которых они, дескать, были большие охотники.

Мордва по случаю посещения ангелов завалила Кузьку предметами ангельского угощения. Кузька раз намекнул обиняками, что если кто в такую-то ночь около первых петухов заглянет в окно его кельи, тот сподобится увидеть прилетевших к нему ангелов.

Между тем Кузька в назначенное время поставил в простенке между окнами своей кельи три закрытых ящика, наглухо отделен-

ных друг от друга; в стенках ящиков, обращенных к противоположной стене, повесил по бумажному вырезку, занавесил каждый тонкой непроницаемой бумагой, а перед вырезками приготовил по свече; противоположная стена состояла из темной и плотно сколоченной дощатой ширмы; перед доской поставлен был стол, на котором стояло несколько бураков, деревянных стаканов, крашенных деревянных блюд со стряпней и лакомства.

В сумерки около кельи Кузьки зашшукала толпа любопытных морденок. Мордва так и пялилась в непроглядно темные окна. Кузька, наблюдавший за движением толпы, зажег все три свечи в закрытых ящиках, потом быстро снял все три занавески, и на противоположной стене мгновенно появились, словно проникли сквозь стену, три светлых ангела, которые осветили стоящий перед ними стол, сидящего перед ним Кузьку и всю келью. Кузька, посредством протянутой ниточки, пошевеливал свечами – и ангелы шевелились.

Пораженная нечаянностью и чудным видением, мордва отскакивала от окон, давая

простор глядеть другим; через несколько минут ангелы мгновенно исчезли, мелькнув в воздухе и оставив после себя в келье мрачную темноту; мордовки пришли в ужас, закричали, завизжали и разбежались без памяти по домам, разглашая виденное ими чудо.

Божественная карьера Кузьки очень удачно утвердилась; совершаемые им чудеса вознесли его в мнении народном на необъятную высоту; слава о нем быстро распространилась по всему краю не только между мордвою, но и между русскими. Всеобщая уверенность в сверхъестественных силах Кузьки помогала ему лечить болезни самыми пустыми средствами. Для него часто достаточно было ободрить больного одним словом, чтобы больной почувствовал облегчение. Неизлечимые болезни Кузька угадывал с необыкновенною точностию вследствие своей наблюдательности и долговременной практики, и от неотвязчивых докуч в этом случае он очень удачно отделялся популярным изречением «Так на роду написано», — или что скорая смерть раба божия уже написана в большой книге Христосика.

Пользуясь доверием народа, он знал непосредственно многие тайны, и это обстоятельство, в соединении с его особенною проницательностью, помогало открывать ему воров и краденые вещи. Он очень оригинально выпутывался в тех случаях, когда не мог открыть тех или других. «Летающие по свету ангелы, – говорил он обкраденному, – не доглядели вора, да и не попали на то место, где лежит покража».

Богослужение, утвержденное Кузькой, состояло из трех элементов: древней мордовской веры, из богослужения православной церкви и из обрядов знакомой ему раскольнической секты. Моление по Кузькиной вере происходило на лесной поляне; сам Кузька играл здесь роль архиерея: на груди его висело божественное изображение; это изображение, по словам его, вышивала Христосикова матушка со святой Пятницей; в богослужении участвовали двенадцать верных «апостолов» и святая Пятница (солдатка Степанида, его любовница). Первое моление началось следующими словами: «Будьте же вы, рабы Божий, моими апостолами; а ты, раба Божия

Степанида, будь моей Пятницей. Служите мне, да Христосику, верою-правдою! Унимайте народ Богов от воровства, от мотовства, от пьянства, от распутства да от тех недобрых дел; а вы, православная мордва, люди Боговы, их слушайтесь! Наказываю всем вам сохранить вашу святую веру в тайной тайности. А кто не сохранит нашей тайности, того я велю разорвать вон на этих двух дубах согнутых. Верный мой апостол Григорий, покажи пример, чтобы все казнились, от малого до великого».

Апостол Григорий, получивший приказание, схватил за плечи приготовленного теленка и направился к согнутым дубам. Там он привязал теленка задними ногами к вершинам того и другого дуба и, повесив его, повел лезвием косы по толстой веревке, связующей согнутые вершины. Дубья с визгом выпрямились; живой теленок разорвался так быстро, что не мог усмотреть глаз; разорванные части мелькнули в воздухе, мельчайшие брызги теплой крови понеслись по поляне и в виде красноцветного пара охватили народ и ближайшие вещи; оторванная голова взвилась

вверх и упала в сотне саженьях от места; большая половина туловища, оторвавшись от веревки, шлепнулась на землю; меньшая, обвивши вершину, повисла на ней. «То, православная мордва, люди Боговы, – сказал Кузька, – что вы теперь видели, будет всякому, кто скажет русским про нашу веру и укажет место, где мы собираемся на моление». После того Кузька выбрал для себя трех чистых девиц-красавиц для послушания и поручил их своим апостолам, чтобы они выучили избранных молиться в два перста да по четкам. Обязанность же Пятницы была – свидетельствовать девиц в отношении чистоты телесной. По окончании богослужения Кузька облачался в свою обыкновенную одежду и выходил на поляну, где почетнейшим старикам давался обед и раздавалась милостыня нищим медными деньгами.

Мы не описываем обряда пострижения девиц и воя, и завыванья родных над бедными будущими затворницами. Кузька, сказав им приличное слово, постращав их карою за несоблюдение девства, объявил, что Христос велел ему таких, связав по руке да по ноге

с любодеем, обоих живых закопать в землю. «А вы, верные мне апостолы, десять воскресений сряду наряжайте сюда по двадцати пяти копальщиков – рыть могилы глубокие для устрашения девиц, да других двадцать пять человек те могилы закапывать».

Послушания девиц начались тем, что каждая из них должна была дежурить по ночам в келье сладострастного Кузьки. Боязнь быть закопанной в могилу оказала мало сопротивления: Кузька уверил девиц, что любовная связь с ним совсем не то, что с простым человеком, не составляет никакого греха и не лишает девушки чистоты и непорочности. И непорочные девицы исполняли послушание у Кузьки каждую ночь. Сам Кузька посещал их каждодневно, обращался с ними ласково и носил им орехи, пряники, изюм и другие сладости. Через год тайного владычества Кузьки-бога над мордовским народом духовенство не могло не заметить, что мордва явно холодеет к церкви, посещая ее все реже и реже и в меньшем количестве. Из содержателей окружных кабаков по случаю непитья водки мордвою многие доходили до банкротства; гу-

бернские власти тоже стали замечать, что частные доходы от мордовско-терюханского населения совершенно прекращаются.

Слухи между тем о каких-то мордовских жертвоприношениях начали ходить во всем местном крае. Но мордва, поголовно преданная Кузьке, хранила «тайное таинство». Когда священники начали серьезно приставать с вопросами к своим прихожанам, то Кузька приказал поить их вином «до положения» и выдавал им от миру золотые монеты. Таким образом мордва отделавшись и от разных назежающих на них чиновников, которые, поживившись на месте, представляли дело высшему начальству в наиболее красивом цвете.

Но любовные похождения этого лжепророка наконец довели его до законного возмездия. Надо сказать, что Кузька сильно, безумно привязался к последней своей любовнице, Афросинье, та в свою очередь так же безумно привязалась к молодому парню Пахомке-сиротинке, которому во время своих тайных свиданий пересказала все штуки этого обманщика. Пахом, возмущенный этим, передал все духовенству. Последнее, взяв сотских, от-

правилось отыскивать место тайного жительства Кузьки-бога, но ночью заблудилось и чуть не погибло в болотах.

Кузька, узнав про это, казнил несчастного Пахоматой бесчеловечною смертью разорвания на дубах, которою он казнил для примера в начале нашего рассказа теленка. Афросинья была свидетельницей этого зверства, от ужаса она тут же сошла с ума и вскоре утопилась в колодце.

Кузька с потерей своей любимицы потерял всю энергию, всю силу своего характера и окончательно пал духом.

Весть о страшной казни Пахома быстро облетела весь местный край и на всех жителей навевала суеверный страх. Вслед за этой вестью стали ходить слухи, что двух заплутавшихся в лесу мужиков, случайно попавших на священную поляну, мордва убила дубинками и тела их затопила в ближнем болоте.

Чтобы наполнить свое тягостное одиночество и избавиться от неотвязной тоски, Кузька стал предаваться чувственным удовольствиям до необузданности, умножая свой гарем до десятка молодых послушниц, а иногда

уединялся в своей келье и жил истым аскетом, склоняя к тому же и своих молодых послушниц.

Фанатики его вполне овладели им и помыкали своим идолом по своему произволу: они заключили Кузьку безвыходно на священной поляне и окружили его обожаемую особу неусыпным караулом. И вскоре вся мордва принудила его учредить самовольное крещение младенцев, венчание браков, отпевание покойников и исправление всех треб, с которыми до того времени обращались к русским священникам, и таким образом довела свою веру до осязательной гласности.

В духовные и гражданские суды Нижнего Новгорода полетели от местной администрации разные доносы, раскрывающие мордовского бога и мордовскую веру с религиозной и уголовной сторон. К заблуждающимся стали посылать по распоряжению духовного начальства красноречивейших увещателей. Мордва встретила их тоже красноречиво – с дубинами в руках. Наконец, захватить Кузьку-бога было поручено нижегородскому капитану-исправнику, и тот, собрав понятых в ко-

личестве более 500 человек, двинулся на поляну.

Мордва, узнав об угрожавшей их богу опасности, поголовно ополчилась на его защиту и устроила за собою поперек дороги несколько завалов из хвороста, тяжелых деревьев и разного лесного мусора, а также разобрала все мосты через ручьи и овраги.

Первая экспедиция во главе с исправником кончилась для последнего весьма печально. Человек десять разъяренных фанатиков окружили экипаж, в котором ехал исправник, вытащили его оттуда, скрутили ему руки, повели к известным двум дубам, которые были согнуты, и повторили над ним зверскую историю Пахома-сиротки.

Собранные части разорванного исправника с ругательствами и проклятиями были отнесены и брошены в ближнее болото, где мордва и затоптала их. Русская партия, лишившись своей главы, повернула назад, более всех трусили разные мелкие чиновники, резвые ножки которых прежде всех явились в город.

Через неделю в село прибыл из Нижнего

сильный отряд солдат с начальником и новым исправником. Кроме палок, нагаек и розог, в судейском поезде были уложены какие-то особые орудия, употреблявшиеся тогда только в редких случаях. Несколько завалов, сделанных поперек дороги по-прежнему, были быстро расчищены, по являющимся мордовским партиям был дан залп из холостых ружей, и партия, наконец, достигла священной поляны, но в длину всей поляны стояла целая стена вооруженной мордвы, грудью загородив собою избу Кузьки-бога. Исправник стал увещевать, чтобы они выдали своего Кузьку-бога, обнадеживая их прощением, но мордва не соглашалась выдать Кузьку. Тогда был дан залп из ружей, от которого мордва и разбежалась.

Команда вошла в дом Кузьки, где нашла его «апостола» Григория Бакунина.

– Отвечай, где ваш плут-Кузька? – грозно вскричал исправник.

– Я никакого плута-Кузьки не ведаю, а нашего святого Кузьку-бога ведаю, – твердо ответил Бакунин. – И хоть знаю где он, но не скажу.

Долго уговаривал этого изувера исправник, наконец добился от его сына, что Кузька находился в подполье.

Тотчас же изба была раскидана по бревну, подземный ход был разрыт, и в конце его, под самым сараем, найден был Кузька-бог, который, прижавшись в угол, трясся, словно в лихорадке.

На допросах Кузька-бог во всем признался, касательно убийства исправника он показал, что оно совершено против его воли крестьянином Бакуниным; в растлении девиц он оправдывался тем, что это растление не было сопряжено с насилием. Суд решил наказать мордвина Кузьму Пеляндина ста ударами кнута на кобыле и, по вырывании ноздрей и наложении клейм, сослать его в каторжную работу.

Казнь Кузьки происходила в сентябре в торговом селе Константинове, в день казни в село мордва-терюхане собрались почти поголовно. Кузька, когда его привязывали к кобыле, поклонился на все четыре стороны и лег на кобылу без сопротивления.

Мордовский бог страшно похудел и посе-

дел, что подало повод мордве утверждать, что истинный, подлинный Кузя-бог взят на небеса, а здесь подменен другим человеком. Во время самой казни поднялся всеобщий вой и рев мордовского народа.

После казни целые девять лет мордва-терюхане ожидали появления на землю с небес Кузи-бога и во все это время свято исполняли все его наказы и заповеди. Самые преданнейшие из них ходили украдкой на разоренную поляну и там молились, выли и ревели; некоторым чудились там сверхъестественные явления, которые долго поддерживали в мордве Кузькину веру.

XXII

Воронежский Никанор. – Антонушка. – Отец Серафим. – Полицейский колдун

В деле темного и дикого суеверия не отстал и город Воронеж. Вот подвиги некоторых пустосвятов, которые мы берем в кратком виде из «Воронежской беседы» господина де Пуле.

В 30-х годах жил себе уединенно на Богоявленской горе бывший помещичий крестьянин господина Викулина, ловкий малый по прозвищу Никанор. Присмотревшись к толпам богомольцев, отовсюду стекавшихся для поклонения вновь открытым мощам св. Митрофана, он крепко соблазнился возможностью собрать ни за что ни про что множество трудовых, но легко бросаемых грошей. И вот Никанор облачается в черную власяницу, отращивает себе бороду и волосы и превращается таким образом в отца Никанора. В этом новом чине он сначала терся около чистосер-

дечных пришельцев, мужичков и баб, потом, приискав себе ловких «пидбрихачей», вдруг скрылся. Затем разнесся слух, что Никанор затворился и жаждущим истины прорицает будущее. Для этой новой профессии он придумал следующую приличную обстановку: избрал себе тесную келью, в которой устроил уставленную сверху донизу иконами божницу с неугасимыми лампадами и свечами, а посреди комнаты вставил черный гроб, вмещавший в себе последние атрибуты жизни — покрывало, свечи и ладан.

В этой-то светлице, в присутствии посторонних, падал он ниц и молился. Усердные глашатаи зазывали богомольцев удостоиться чести побывать у затворника Никанора. Толпами валил темный люд в открытую западную с посильными приношениями. Никанор, ничем не стесняясь, благословлял посетителей и врал им все, что мог придумать.

Удавшаяся спекуляция и жажда славы, соединенной с богатыми дарами, довели его до дерзкого кощунства в келье Никанора, посредством проверченной в потолке дыры, стал слышаться глас свыше, отпускающий

грехи лежащим на полу в покаянном смирении бабам. Но, к счастью, глас этот, при всей своей мягкости, достиг до слуха полиции, и отец Никанор был изгнан из затвора, а потом женился. Дальнейшая судьба этого проказника окончилась ссылкой в Сибирь за какие-то новые деяния.

В Задонске жил и наезжал на Воронеж небольшого роста, с редкой седенькой бородкой, в серой свитке, пожилых лет, от природы дурачок-мужичок Антонушка. Худощавый и слабосильный от природы, Антонушка был совершенный ребенок; при полном отсутствии рассудка он редко говорил; если же проговаривал иногда два-три слова, то уже твердил их несколько раз безостановочно. «Видим этого пустосвята в ранние годы своей юности, – рассказывает автор его биографии. – Как теперь, представляется нам фигура этого старичка с всклокоченными волосами, в сером низко подпоясанном кафтанишке, с камнями и всякою дрянью за пазухой. Вот он сходит с церковной паперти, его окружает толпа женщин и детей всех сословий и с благоговением целует его грязные руки».

Антонушка имел постоянное пребывание в Задонске и славился там как великий прорицатель и чудотворец. Многие приезжали к нему с больными детьми просить исцеления. Так, Усманьского уезда, села Чалмыка, помещанка Елена Солодовникова, у малолетнего сына которой поражены были неизлечимым недугом ноги, ходила с ним в Задонск к Антонушке. Придя к нему в комнату, мать больного поднесла ребенка и просила совета, чем лечить его. Антонушка поплевал на ноги больного, потер их своими слюнями и сказал: «Теперь будет здоров». Предсказание однако не исполнилось.

Жители Воронежа очень желали иметь Антонушку у себя, и одна сметливая ханжа взялась доставлять по временам воронежскому обществу духовное наслаждение слышать бессвязный и бессмысленный лепет этого пустосвята и искать в нем таинственного духовного смысла пророчества. Вот образчик пророчеств Антонушки. В 183... году семейство богатого и уважаемого в городе купца Н.Н. Сва пожелало благодатного присутствия Антонушки, за которым и послан был экипаж. Мо-

лодые члены семейства и особенно сыновья купца, учившиеся в то время в гимназии, желали видеть Антонушку просто из любопытства; но старички и старушки ждали его с полным убеждением в его святости, и потому некоторые из них во все время ожидания, затворившись, усердно клали земные поклоны, прося Господа о том, чтобы он сподобил достойно встретить лжепророка. После этого дерзко-наивного богохульства, когда раздался крик «Едет! едет!» – все вышли на крыльцо, осадили желанного гостя, сняли его с пролетки, как дитя, и с благоговением ввели под руки в комнату. Пророк был в старом армяке, шапке и рукавицах.

Посредине комнаты встретила его почтенная старушка, глава семейства, она с подобающею честью протянула к нему сложенные одна на другую руки, преклонила голову и сказала: «Благословите, Антонушка!» Между тем Антонушка, едва переступив порог, начал повторять фразу: «Чи собаки брешут? чи собаки брешут?» Просившую благословения старушку, не снимая рукавиц, он слегка ударил по щеке; сконфуженная неожиданной выход-

кой дурачка, она отвернулась в сторону, потеряла щеку и в утешение себе сказала: «Хорошо, что еще не дерется!» Затем посадили Антонушку на переднее место, под образа. Члены семейства, желая каждый услышать предсказание о будущем, выходили поодиночке из другой комнаты и показывались Антонушке. При входе одного из сыновей купца, он начал повторять: «Паромы плывут... паромы плывут...» Вышла девушка, Антон заговорил: «Чи дивка, без котов пришла, чи дивка, без котов пришла». При появлении другой он сказал: «Вари кулешу, вари кулешу». Другому купцу, родственнику первого, Антонушка предрек: «Чи мене на поселенье сошлют? чи мене на поселенье сошлют?» Антонушку почествовали и отвезли восвояси.

В другой раз привезли Антонушку на двор, он расплакался, как дитя, и не хотел сойти с пролетки; его насильно втащили в комнату, но он вырвался и побежал к воротам, которые оказались затворенными; лжепророк бросился в подворотню, но один из сыновей купца схватил его за ноги и втащил обратно во двор. Начали ублажать Антонушку, как ре-

бенка уговаривали, катали по двору на пролетке, но ничто не помогало, он рвался и плакал. Послали наконец за его опекуницей, которая, покатавшись с ним по двору, вошла в комнату и с таинственным благоговением объявила, что Антонушка не расположен сегодня говорить... с тем и увезли его домой.

Антонушка умер в Задонске и погребен в тамошнем монастыре. Рассказывают, что в день погребения в руках его неизвестно откуда явился запечатанный пакет с надписью «На погребение Антонушки»; в пакете найдено 300 руб. Этот случай тоже обратили в чудо.

Последнее нашествие блаженного фокусника на Воронеж было в 1859 году, а в это же время на смену ему появился уже другой чудотворец – государственный крестьянин Нижнедевицкого уезда, села Везноватки, Ермил Сидоров. Он бросил жену и семейство, преобразился в отца Серафима и пошел таскаться сначала по деревням и уездным городам, а потом пожаловал на вакантное место и в Воронеж. Хорошо обутый, одетый в суконное полукафтаные, с монашеской скуфейкой на голове, он скоро втерся в несколько купе-

ческих домов, где и пророчествовал, как только доставало уменя. Одна почтенная старушка, купеческая вдова, имея собственный каменный дом, приютила у себя отца Серафима. При доме ее был сад, в котором находился флигелек в одну комнату; в нем-то и поселился Серафим.

Со вдовою жил ее сын, холостой человек, да приказчик, ее племянник, каждую ночь сын вдовы после ужина, прощаясь на сон грядущий с матерью, обращался к ней с просьбой:

– Маменька, позвольте мне пойти к отцу Серафиму – помолиться Богу!

– Ну, что ж, ступай, Христос с тобою! – было обычным ответом.

В один вечер сын ранее обыкновенного обратился к матери с подобною просьбою. Мать, хотя и благословила его, но подушка, которую он держал в своих руках и которую никогда не брал с собою прежде, поселила в ней какое-то безотчетное подозрение.

Спустя два часа, мучимая разными предположениями и сомнениями (сын любил немножко покутить), старушка позвала к се-

бе приказчика.

– Гриша, а Гриша! Поди, батюшка, посмотри: что мой Ваня делает у отца Серафима?

Гриша, мужчина лет 47, тотчас же отправился по поручению хозяйки в сад, где, подойдя к дверям кельи, по обычаю монастырскому, пренаивно проговорил нараспев входную фразу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!»

– Аминь! – отвечал голос за дверью.

Гриша вошел и остолбенел от удивления, на столе был штоф водки и осетрина, за столом сидела мертвецки пьяная женщина; Ваня был не в лучшем положении, Серафим, однако ж, не был пьян. Все виденное Гришей было передано вдове, и Серафима прогнали вон.

Из дома одного чиновника, где, было, нашел пристанище отец Серафим, выгнали его за то, что он, несмотря на тяжесть носимых им вериг, слишком уж заметно ухаживал за хозяйкою в отсутствие ее мужа.

Молоденькая купеческая жена Ф-ва, кончившая курс в одном из частных пансионатов, но насильно зараженная пустосвятством, очень ласково принимала Серафима и благо-

говейно выслушивала всю чушь, которую он городил ей. Вот что рассказывала одна молодая дама, хорошая знакомая Ф-й. У мужа первой пропали из комнаты деньги; пока производился розыск их полициею, она со своею сестрою-девушкою, зная, что у Ф-й будет Серафим, отправилась из любопытства туда – испытать его пророчество.

При входе последней с сестрою хозяйка поила чаем Серафима, а он, обращаясь к хозяйке, говорил.

– Ты мне послаже, послаже налей, положи побольше сахару, да варенья не жалей! не жалей! – потом, не обращая внимания на вошедших, он сказал: – Вот пришли! Они думают, что я цыган, буду им ворожить о деньгах. Деньги украла рыжая девка.

Но эта фраза не одурачила пришедшую женщину, она сейчас же догадалась, что плут Серафим уже слышал о пропаже денег из разговоров сестры ее, часто бывающей у Ф-ой, и потому не обратила особенного внимания ни на пророка, ни на пророчество.

Серафим показывал приехавшим свою скуфейку и говорил, что она не обыкновенная, а

железная; показывал также вериги; называл сестру приезжей своей невестою, становился с ней перед образами и, сняв с ее пальца золотой перстень, надел его себе и сказал, что теперь они уже обручены друг другу. Перстень он унес с собою и не отдал назад.

Неизвестно, откуда он взял себе полную одежду схимника – схиму в то время в Воронеже из монахов никто не принимал; шарлатан этот ходил в схиме только у себя дома, во время богомолья. Не очень долго однако пошатался этот обманщик по Воронежу и вскоре куда-то исчез.

Случалось, что даже и сама полиция прибегала к помощи таких пустосвятов. У полковника Л. очень ловко была украдена шкапулка с драгоценными вещами. А на другой день обратился с просьбою о розыске вещей прямо к губернатору, который тотчас же приказал полиции принять все меры к отысканию. Должность полицмейстера временно исправлял в то время состоявший при губернаторе для особых поручений подполковник П. Последний кинулся искать горячо, сбил с ног всю полицию, измучился и сам, но вещи как

в воду канули, даже следа не открыли. П. стал в тупик. Думал-думал он и наконец придумал, выписал из пригородного села известного по части колдовства бородатого мужика в смуром кафтане. Привезли его прямо в одну из городских частей и поместили в канцелярии; мужик объявил, что гаданье должно быть «на тощее сердце». На утро полицейские власти собрались в канцелярию части и с покорностью ожидали вещей слов мага. Бородатый плут потребовал миску чистой воды, поставил ее на стол под образами и начал что-то нашептывать. Закончив свои заклинания, он отступил шага на три от столика с мискою, обратился к присутствующим и с суровой таинственностью сказал: «Молитесь все до единого в землю!» Чудная была картина, здоровый мужичище делал размашистые кресты и стучал лбом о пол; за ним с благоговейным смирением усердно клали земные поклоны подполковник, частный пристав, ратман и все предстоящие. Когда же окончилась молитва, знахарь взял миску и стал смотреть в воду. П. наострил уши и весь превратился во внимание. Знахарь описал приметы юра, объ-

явил признаки места его жительства и, сказав о том, где спрятаны вещи, распустил честную компанию. П., раскинувши умом-разумом и посоветовавшись с кем нужно, приискал вора по приметам и сейчас же нагрянул на какой-то домишко. Всполошили всех соседей, перепугали хозяев дома, перевернули все вверх дном, но не только вещей, даже и следов подозрения не отыскали. Поехал П., понурив голову и чуть не плача, ну, знахаря, говорят, маленько посекли и отпустили восвояси.

XXIII

Блаженный Антонушка

В Задонске жил до 50-х годов блаженный старец Антоний Алексеевич; родом он происходил из села Клинова, принадлежавшего некогда помещице Разумовой. Будучи семи лет, он раз во время сильной бури, пронесшейся по селу Клинову, скрылся из родительского дома и через три недели отыскан был в поле у ручья, близ которого рос горох, служивший для него пищею. На вопросы о причинах его скрывательства он или не отвечал, или отвечал невпопад.[23] Так, по преданию, началась блаженно-юродивая жизнь Антония Алексеевича, продолжавшаяся более ста лет.

Когда он возмужал, отчим заставил его обрабатывать землю. Но не спорилась у него работа, и нередко он подвергался бесчеловечным побоям. Когда мать Антония умерла, жестокий отчим выгнал своего пасынка из дома. С этого времени Антоний и стал проводить дни в лесу, чтобы не стеснять никого своим

присутствием. Ходил он в кафтане из толстого белого сукна, подпоясанный красным кушаком или ремнем, а обувался в суконные онучи и кожаные, особого покроя, коты. Он не разувался и не раздевался ни днем, ни ночью и ходил всегда с наполненной чем ни попало пазухою, из которой иногда давал встречавшимся с ним кому огурец, кому хлеб, а иному камень или стекло. И все это имело у него особенное значение. К деньгам он был вполне равнодушен, да и не знал им цены. В одно время отправился он купить рукавицы и, отдав за них 28 руб., с детским восторгом показывал, что купил – «за серебряные-то!». Не заботился он нисколько и о чистоплотности. Люди, помнившие его, рассказывали, что он был необыкновенно кроток, послушен, со всеми обходителен, приветлив и с детской улыбкой на устах, которою невольно привлекал к себе сердце каждого, нередко он со свойственной ему лаской говаривал нуждающемуся в его ободрении и утешении человеку: «Сударик ты мой! я ничего: так Бог дал; знать, так мать тебя обрекла!» В другую же пору представлялся он как бы тревожным, озабо-

ченным, иногда дерзким и подчас грозным; в такую пору он целые ночи проводил без сна, а иногда целую неделю не принимал ни пищи, ни питья. В те дни он беспощадно обличал некоторых не только за пороки, а за малейшие слабости, несмотря ни на звание лиц обличаемых, ни на положение их в обществе. Взяв длинную палку, ходил он и бегал ночью по монастырю и выгонял кого-то с криком: «Урю! урю! Урю! эх их нашло сколько!» Или, схватив кочергу, выгонял кого-то из-под дивана, либо из печки, приговаривая: «Зачем ты сюда зашел? пошел вон в лес!» А на вопрос – кого он выгоняет, отвечал: «Бирюков», – т. е. волков. Иной раз вскрикнет: «Ах, как стонут-то, как горько там!..» – «Где, батюшка?» – спросят его. – «Ах, не слышишь, как бедненькие стонут-то там, под землю?»

Из числа многих предсказаний этого юродивого биограф его, епископ Герасим, описывает следующие случаи: однажды, встретившись с настоятелем монастыря, Антоний Алексеевич поцеловал у него на груди крест и сказал:

– Князь! Мы с Афонькой большие воры,

уведем у тебя лошадей. Только бы завести нам их за угол, а там поминай как звали!

Архимандрит-настоятель принял слова эти за предсказание об обыкновенном конокрадстве, усилил караул, сделал новые заборы; однако ж не уберег лошадей, к которым был пристрастен: две из них, особенно любимые им, скоро пали.

К тому архимандриту в обитель пришел раз юродивый, лег против царских врат на амвон и скатился на пол. Потом, подойдя к панихидному столику, взял с него крест и, подавая архимандриту, сказал: «На, целуй его!» На слова же архимандрита, что он с ним делает, отвечал: «Не моя воля, так Бог велит!»

Ровно через год последовал указ об увольнении настоятеля на покой.

За несколько лет до открытия мощей святителя Тихона, беседа раз с келейным казначея, Антоний Алексеевич вдруг изменился в лице и, как вдохновенный, воскликнул: «Сколько народу-то идет! видимо-невидимо!.. А денег-то, денег сколько несут! Один только Господь знает, да моя душенька!» На вопрос же келейного: «Куда это, батюшка, народ-то

идет?» – «К Оське в яму!» – сказал Антоний Алексеевич. Под ямою разумел он гробовую пещеру, где покоились тогда под спудом мощи угодника Божия Тихона, а Оською называл иеромонаха Иренея, служившего при мощах святителя Тихона около 20 лет.

В другой раз, сидя на крылечке с келейником казначея и указывая ему рукой на пустое место – это было в 1837 году – Антоний Алексеевич сказал: «Смотри-ка, какая большая церква стоит, да хорошая, новая!» Когда же послушник казначея отвечал, что не видит там никакой церкви, юродивый настойчиво утверждал, что стоит там церковь. Через 8 лет действительно на том самом месте был построен в обители храм.

В 1841 году в Задонске был большой пожар. За месяц перед этим пожаром блаженный заходил в те самые дома, которые после сгорели, и говорит: «Палки жарко горят! палки жарко горят! Воды надо, воды!»

Другой раз, остановившись близ одного дома в Задонске, он начал запруживать дождевую лужу и на вопрос, для чего это делает, отвечал, что вода будет нужна, потому что сюда

прилетит красный петух. Согласно предсказанию, дом этот сгорел дотла.

Раз зашел он к квартальному надзирателю города Задонска; последний вывел к нему восьмилетнего своего сына и стал просить у юродивого благословения отдать его в училище. Но Антоний Алексеевич, посмотрев на ребенка, сказал: «Я возьму его на поляну». Через несколько недель после того сын квартального умер...

Зайдя раз к одному задонскому мещанину, юродивый спросил у него: можно ли на такой-то улице выстроить двенадцать домов? Тот отвечал, что все места уже застроены... «Нужды нет... – сказал юродивый. – Я-таки выстрою...» Через десять лет на этой улице действительно сгорело двенадцать домов, которые и были выстроены заново.

Обратившись однажды к дочери того же мещанина, он говорит: «У тебя мать Анна, люби ее!» Девушка отвечает, что мать у ней – Екатерина, а не Анна. Но Антоний Алексеевич продолжал утверждать, что Анна, несмотря даже на личное присутствие матери, которой он как бы и не замечал. Спустя

год мать ее Екатерина умерла, и отец девицы женился на другой жене, которую действительно звали Анной.

По смерти архимандрита Илария один брат спросил блаженного: «Кто будет у нас князем?» – «Князь у вас будет, – отвечал юродивый, – из дьяконов». И действительно заступивший место покойного архимандрита был из вдовых дьяконов.

Не раз Антония Алексеевича видели, как он в сильном беспокойстве ходил по двору около подэконома Задонского монастыря и, махая около него голиком, приговаривал: «Поди прочь! кто вас звал сюда?» Однажды вечером он в сильном беспокойстве пришел к одному брату в келью, где были еще двое из братии, и прилег, было, на постель; но, пролежав немного, вдруг вскочил и, сколько есть мочи, прокричал три раза: «Карпушка! Карпушка! Карпушка!» (так он обыкновенно звал этого послушника), – затем, понизив голос, сказал как бы про себя: «Ну, так и быть: схватил волк овечку!» Назавтра нашли этого послушника повесившимся в то самое время, как блаженный кричал: «Карпушка!»

Раз, придя к другому послушнику, потребовал он бумаги, чернил, сургуча и печать. Послушник подал ему все это. Юродивый написал что-то и запечатал: «На, возьми! это тебе дорожная!» Через неделю совсем неожиданно послушник этот отправился в Москву.

Одному послушнику при каждой почти встрече старец постоянно твердил, что уйдет он к отцу – пахать землю; послушник и слушать не хотел, но через семь лет действительно покинул монастырь.

В 1847 году, придя раз в келью к знакомому монаху, старец спросил его: «Чей это в сенях гроб, большой, пестрый?» – потом, немного помолчав, продолжал: «Дома бы и умирал: зачем приезжать опять в монастырь?» Через месяц монах, заболев, пожелал съездить на родину для поправления здоровья, но, пробыв там около месяца, возвратился в Воронеж, где вскоре от свирепствовавшей в то время холеры и умер.

Во время холеры Антоний Алексеевич заходил во многие дома обывателей Воронежа без всякого со стороны их приглашения, и где ставил он столы посреди комнаты и пел «веч-

ную память», там почти все жильцы вымерли от холеры.

Проходя раз мимо одного каменного дома, двор которого обнесен был дощатым забором, Антоний Алексеевич остановился перед канавкой, по которой стекали со двора нечистоты и, немного подумав, пополз боком по этой канавке по двору и, пощупав у кладовых замки, тем же путем выполз на улицу, сопровождаемый дружным хохотом со стороны столпившихся свидетелей этой сцены. По прошествии нескольких дней эта загадка объяснилась: чрез ту самую канавку проникли во двор ночью воры, обообрали все кладовые и были таковы.

За год до своей кончины пришел Антоний Алексеевич к одной помещице, которая купила дом в Задонске, и говорит ей: «Вот и к вам, так Бог велел!» Потом, разболевшись, говорит хозяйке: «Мама (так он называл ее), пора мне умирать; похорони меня во спасение души твоей в монастыре и заплати за меня пять рублей ...» А когда та подумала, что едва ли можно будет похоронить его за такую сумму, Антоний Алексеевич, отвечая на ее мысли,

присовокупил: «Ну, 500 рублей отдай вперед. Хотя у тебя и был нынче недород хлеба, да зато у меня его много. Вот, даст Бог, я перейду, тогда и тебя возьму к себе, да сшей мне новый белый кафтан с нижним бельем и купи новый кушак». Духовника своего, к которому всегда сам прихаживал, когда нужно было исповедаться или приобщиться, просил он сшить себе новые коты. А недели за две до Покрова говорит хозяйке дома: «Мама! Пеки блины в субботу, под Покров». Наступила эта суббота, и юродивый скончался на 120-м году жизни.

Тело его погребено было с большой торжественностью в Задонском монастыре под алтарем Вознесенской церкви. На похоронах его присутствовала многочисленная толпа народа.

XXIV

Старец Алексей. – Томский Осинька. – Ссылная Домна. – Лже-Разумовский. – Лже-Александр. – Данилушка на кровле

В Ростове был известен старец Алексей из Вимения графа Панина; он юродствовал в Борисоглебском монастыре 32 года. Родом он был из духовного звания, жизнь вел воздержную, ходил в одной верхней одежде, босой зиму и лето. Временно жил он в сторожке монастырской, любил читать апостол за раннею литургиею. После ранней обедни в своем монастыре весьма часто уходил в Ростовский Успенский собор, отстоящий от Борисоглебского монастыря на 18 верст, к поздней литургии, где также читал апостол.

О скорой его ходьбе рассказывают следующий случай. Одна помещица, отправляясь в Ростов на богомолье на тройке лошадей, посетила у Бориса-Глеба чтеца Алексея и сетовала

на то, что ей мало времени оставалось, чтобы подолее побеседовать с Алексеем, т. к. спешила в Ростов, чтобы поспеть к литургии в собор. Алексей, заметив это, сказал ей: «Мы увидимся в Ростове» К удивлению своему, помещица, приехав, заметила в соборе Алексея, который прибыл туда раньше ее, хотя она ехала на тройке лошадей. Вот как быстро ходил Алексей.

Старожилы еще рассказывали из его жизни, что однажды люди, встретившие его выходящим из леса, спросили: «Где ты был, Алексей Степанович?».

– В бане был, прекрасно выпарился, ни одного места не осталось невыпаренным.

На самом же деле некоторые видели его в то самое время сидящим в муравейнике. Вот какова была его баня!

Часто он хаживал в некоторые дома борисоглебских жителей и никогда ни дверей, ни ворот не затворял. Несмотря на то, как рассказывали, ни скот со двора не уходил, ни похищения никакого не было.

Утверждали, что Алексей обладал и даром прозорливости. Так, будучи в доме, где мать

сильно беспокоилась о том, что давно не получала никакого известия от сына, жившего в Петербурге, Алексей сказал: «Река Нева глубока, много в ней тонут» И действительно, через неделю мать получила известие, что сын ее утонул в Неве.

Однажды Алексей перед бурей размеривал пространство земли близ колокольни села Троицкого, что в Бору. Окружающие его спросили: «Что ты делаешь, Алексей Степанович?» – «А вот меряю, куда крест упадет с колокольни». Когда нашла буря, крест с колокольни сорвало, и он упал на то место, куда указал Алексей.

Пред пожаром в селе Вощажникове, в десяти верстах от Борисоглебского монастыря, Алексей Степанович расхаживал по улицам и говорил вслух: «Ах, как жарко! ах, как жарко!», – хотя на самом деле и не было жарко. В следующую ночь был сильный пожар в Вощажникове.

Умер Алексей 16 октября 1781 года и погребен за алтарем; после его смерти какой-то неизвестный выстроил над его могилой каменную часовню, где на стенах изобразил

Алексея. Память об этом юродивом чтится в монастыре по сей час.

Город Томск исстари богат был разными пустосвятами. В числе таких некогда знаменит был там Осинька, который, судя по рассказу, переданному нам столетней старицей Марфой Леоновой, знаменит был тем, что всем показывал пальцы, да по ночам ходил и предсказывал пожары, говоря: «Стопочка сгорит, стопочка сгорит».

Не менее его была известна в этом городе старуха самой неряшливой внешности, таскавшая за плечами в мешке дохлых крыс, кошек и разную дрянь и отправлявшая все свои физиологические отправления там, где ей это приходило в голову – в комнатах, церквях и т. д. Родом она была дворянка, помещица и была прислана в Сибирь за жестокое обращение со своими крестьянами. Известна она была под названием Домны Карповны, ходила зимой и летом босиком и жизнь вела ночную; знала только одну речь, которую и твердила постоянно: «Пресвятая Богородица, спаси от горячих бесов». Из рассказов о ней известен один, как она по дороге в город Каинск

встретила архиерея и предсказала ему смерть.

Из заметных пустосвятов в этом городе был известен еще некто Разумовский, выдававший себя за гетмана. Этот самозванец особенными нравственными качествами не отличался; рассказывал старухам более про белую Арапию и о выползавших будто бы на гору из озера крокодилах, что мешали постройке будущего Томского собора, и тому подобные несуразности; в сущности, этот Разумовский был негласный содержатель томского веселого заведения и родом поляк, присланный в Сибирь за мошенничество.

В том же Томске у простого народа и особенно у купцов пользовался большим уважением некто столетний старец Федор Кузьмич или Александр; происхождения последний был неизвестного, но есть данные подозревать, что он некогда принадлежал к высшему петербургскому обществу. Наружность имел старец Федор красивую, величавую, роста был большого, с правильными чертами лица и большой окладистой бородой. Он знал языки, на которых говорил очень правильно, и

отличался необыкновенным даром слова. Сибиряки в этом таинственном отшельнике видели будто бы покойного императора Александра I; как ни нелепо было это предположение, но оно крепко существовало в томском купеческом обществе. Старец Федор жил у купца Хромова за городом, на даче. Он похоронен в Томске, в ограде Алексеевского монастыря. На его памятнике существовала очень загадочная надпись, которую, в бытность мою в Томске в 1882 году, в мае месяце, стерли и покрасили, так что прочитать ее не было возможности. Старец Федор тоже будто бы отличался прозорливостью и предугадыванием будущего: так, он одному из мужичков предсказал, что тот найдет золото, что и случилось. Жизнь он вел строгую.

В Томске был известен еще из ссыльнокаторжных некто Данилушка. Он также предсказывал и отличался большими странностями – жил в лесу, питаясь кореньями, а в городах – преимущественно на крыше дома, где и сидел целыми часами в созерцательном молчании.

XXV

Авраамий. – Диомид юродивый. – Старец Вася

Лет 50 назад в одной из сибирских губерний пронеслась молва, что явился отшельник Авраам, наделенный даром пророчества и чудотворения. Стоустная молва, варьируя эти рассказы, разнесла весть об отшельнике по всей Сибири.

В самом дремучем лесу, далеко от всякого поселения, жил в большой избе моленной отец Авраам. Когда все кругом леса погружалось в сон, у отшельника пробуждалась жизнь. Сотни поклонников тянулись к нему на молитву, где вместе с псевдорелигиозностью пропагандировался чудовищный разврат.

Авраам считался основателем секты очищенцев. Последователи его, мужчины и женщины, входя, сбрасывали с себя верхнюю одежду и оставались в одних рубахах с босыми ногами. Учитель становился на возвышении и был одет в черной рясе, вроде монаше-

ской. Обряд молитвы заключался в следующем:

– Да приблизится избранная моя! – провозглашал Авраам; в ответ на это входила на возвышение молодая девушка и становилась на колени.

– Облобызай нози мои! – говорил он... Девушка целовала его ноги.

– Творите, как я творю, братие.

При этих словах подле каждого мужчины становилась девушка и, по примеру избранницы Авраама, целовала ноги мужчине.

– Да будет плодородие ваше, яко плодородие маслины! – говорил Авраам, осеняя стоящих восковою свечкою. – Чисты ли и непорочны ли вы вси?

– Осквернены от рождения! – следовал общий ответ.

– Имеете ли твердость истязанием плоти очиститься?

– Имеем! – отвечали все, падая на колени.

– Очиститесь же.

Вслед за этими словами каждый из очищенцев брал пук розог в руки и начинал бить им по плечам и по спине своих сестер.

Бичевание это продолжалось довольно долго, кровь струилась по обнаженному телу добровольных мучениц. После этого спрашивалось: «Очищены ли вы есте, сестры мои?» Следовал ответ, что очищены и чисты, как снег. «Очищены ли вы?» – обращался он к мужчинам. «Не очищены», – отвечали последние. «Очиститесь!» И снова начиналось истязание – истязуемыми на этот раз была мужская братия; после этого все очищенные удалялись из моленной.

Отец Авраам жил в скиту со своею избранницею, какой-то беглою солдатскою женою Аленою, и жил, благодаря богатым приношениям, весело, пока полиция не проведала о нем. Впрочем, Авраам успел улизнуть от рук правосудия, а его последователи сожгли моленную, чтобы она не попала в руки нечестивых. По их рассказам, Авраам чуть ли не живой был взят на небо вместе с Аленой. Авраам же, как оказалось после, жил в Москве у богатой купчихи С-овой в дворниках, и там его уже звали Семеном. Как мужик еще весьма красивый и притом ловкий, он пользовался особенным расположением своей хозяйки.

Жизнь его у нее была самая беззаботная, подчас он кутил не хуже богатого купца.

Раз как-то его хозяйку посетил беглый раскольничий поп и, не застав хозяйки дома, зашел к дворнику, где за графином водки убедил Семена обокрасть купчиху и бежать. Результатом этой беседы было то, что в одно прекрасное утро у хозяйки исчезли шкатулка с 40 000 руб. и дворник Семен.

Как ни искала полиция похитителя денег, все розыски остались тщетными. Благодаря паспорту Авраама, красноярского мещанина, который промыслил ему поп, он благополучно добрался до Сибири и, поделив украденную сумму, поселился в лесу и опять начал проповедовать свое пустосвятство.

После исчезновения отца Авраама в одном из наших губернских городов поселился богатый сибирский купец. Купил он себе дом и начал торговать хлебом. Спустя несколько лет имя его стало известно во всех промышленных понизовых губерниях.

В лесистой местности губерний Орловской, Смоленской и Калужской каждому из обитателей как городов, так и сел названной

местности был известен лет 20 назад 80-летний старик, юродивый Диомид, ходивший по лесам и скрывавшийся там на деревьях, всегда босой, в одной рубашке зимой и летом, Диомид бродил по лесным дебрям. Это был вполне лесной человек, с ног до головы обросший волосами. Ходил он не молча, а всегда что-нибудь мурлыкал или напевал себе под нос. Откуда он был родом – никто не знал, и когда начал вести такую суровую бродячую жизнь – тоже покрыто было тайною. Бродя по селам, Диомид заходил иногда к мужикам, но отнюдь не к духовенству, которого он не терпел, бегал и боялся.

В Волхове в эти же года известен был старик Вася, вечно раздетый и босиком летом и зимою. Посещение его в домах обитателей считалось очень желательным и счастливым, и каждый спешил позвать его калачиком и водкой, до которой он был большой охотник. Вася был просто идиот, лишенный дара слова и ничем не отличавшийся от людей такого сорта.

Здесь перечислены все или почти все из «словущих» старчиков и юродцев, просияв-

ших в недавнее время, во многих случаях противопоставляемое допетровскому периоду и времени самого императора Петра, который в великом ряде своих забот обращал внимание и на вред, причиняемый обществу святошеством старчиков и юродцев. Твердая рука первого императора не миловала этих пустосвятов, которые приносили тот несомненный вред, что понижали в людях понятие о промысле, выдавая себя за каких-то доверенных агентов, адвокатов и разъяснителей воли Бога, как будто нуждающегося в их посредстве и избравшего их для этого назначения. Петр I видел в этих поступках «лицемерие, глупость и зло-обычное наглство к обману простодушных невежд». То же самое продолжало видеть в этом и все русское законодательство при последующих императорах, и исполнительные власти постоянно считали себя призванными оказывать сопротивление пустосвятству юродивых и старчиков, но в обществе иногда встречалось столько незаслуженного доверия этим плутам или дурачкам, что исполнительные чиновники оказывали снисхождение и смотрели на дело сквозь

пальцы. Это не перевелось и до сего дня, и наш список почитаемых старцев новейших времен представляет целую группу таких «достопоклоняемых» лиц, которые все были или плуты, или дурачки, или сумасшедшие. При том из них только три-четыре человека обнаруживали некоторую доброту и мягкость в отношении к людям, а все остальные были грубы, несострадательны, злы, жестоки и чрезвычайно жадны. Наиболее же всем им общею и притом замечательною их чертою является выдающаяся склонность к промысловым предприятиям, к которым большинство старчиков и юродцев обращается после приобретения денежного капитала нужного для начала торговли.

Вывести это может только распространение настоящих христианских понятий и истинного просвещения во всех слоях общества.

Примечания

См.: Макарий (Бултаков М.П.). История Русской Церкви. Т. 8. Кн. 3. СПб., 1877. С. 238.

[^^^]

См.: Тромонин К.Я. Достопамятности Москвы.
М., 1842. № 6. С.73.

[^^^]

См.: Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненныя генерал майором Иваном Болтиным. СПб., 1788. Т. 1–2. Т II. С. 497.

[^^^]

См.: Русский архив. 1874. № I. С. 612.

[^^^]

Сведение это мы берем из описания Смоленского кладбища, составленного священником Стефаном Опатовичем (См. Опатович С.И. Смоленское кладбище в С.-Петербурге. Ист. очерк//Русская старина. 1873. Авг. С. 168–200).

[^^^]

6

Император Павел I короновался в первый день Пасхи.

[^^^]

Обер-прокурор в царствование императора Павла I и министр при императоре Александре I.

[^^^]

См: Прыжов И.Г. Житие Ивана Яковлевича //
Наше время. 1860. № 34. С. 547.

[^^^]

См.: (Долгоруков А.В. Органон животного mesmerизма. Соч. кн. Долгорукова, магнетизера больниц ведомства Петербургских учреждений имп. Марии. СПб., 1860).

[^^^]

См.: Прыжов И.Г. Двадцать шесть московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков. М., 1863.

[^^^]

Письмо это не годится для печати и приводится нами с пропусками.

[^^^]

См.: Прыжов И.Г. Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве. СПб., 1860. С. 22.

[^^^]

См.: Сказания о кончине и погребении московских юродивых Семена Митрича и Ивана Яковлевича. М., 1862.

[^^^]

См.: «Северную Пчелу» о похоронах Ивана Яковлевича (Северная пчела 1811. Сентябрь).

[^^^]

См.: Скавронский Н. Очерки Москвы М., 1866.
Вып. 2.212 (Подлинное имя автора А.С. Ушаков).

[^^^]

См.: Прыжов И.Г. Двадцать шесть московских
лжепророков.

[^^^]

См.: Прыжов И.Г. Двадцать шесть московских
лжепророков.

[^^^]

Носит название от известной московской старухи-лекарки Мячкиной.

[^^^]

См.: Исторический вестник. 1880. Ноябрь.

[^^^]

Сказание о похоронах и жизни Андреюшки
написал какой-то симбирский пономарь.

[^^^]

См.: Православный собеседник. 1877. № 1
С. 46–49.

[^^^]

См.: Отечественные записки. 1866. Кн. 6–9,11.

[^^^]

См.: Блаженный Антоний Алексеевич. СПб., 1865.

[^^^]